

АТатьяна Люшина

Далекий мой,
единственный

Татьяна Алюшина

Далекий мой, единственный...

«ЭКСМО»

2011

Алюшина Т. А.

Далекий мой, единственный... / Т. А. Алюшина — «Эксмо»,
2011

ISBN 978-5-699-52662-8

Юля влюбилась в Илью, когда ей было всего-навсего десять лет. Никто и не мог предположить, что это – не мимолетное ребячество, а настоящее чувство, которое девушка пронесет через годы. Окрепнув и возмужав, эта любовь станет действительно крылатой. О такой пишут в книгах, ею восхищаются и завидуют. Вот только пока что на Юлину долю досталось больше горечи, чем счастья. Ранее роман выходил под названием «Не могу тебя забыть».

ISBN 978-5-699-52662-8

© Алюшина Т. А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

ЮЛЯ	5
ИЛЬЯ	15
ЮЛЯ	17
ИЛЬЯ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Татьяна Алюшина

Далекий мой, единственный...

Владимиру Валентиновичу Беляеву с благодарностью за поддержку и понимание посвящается

ЮЛЯ

Сложив на столе ладони и упершись в них подбородком, Юлька смотрела на улицу. Письменный стол, за которым она сидела, стоял возле окна, для правильного освещения, когда она работает, да и думалось ей лучше, глядя на неспешно текущую, никуда не торопящуюся Неву.

В мире под названием Санкт-Петербург шел снег. Огромные хлопья, послушные порывам ветра, метались за окном то в одну сторону, то в другую, то ровно падали, как сплошная белая завеса, и ей казалось, что она слышит тихий шорох опускающихся на землю снежинок.

Юля не любила зиму. Сейчас не любила. Она была уверена, что зима – это время для обдумывания жизни, легкого философствования. В тишине и уюте теплой квартиры, в сумеречной, неярко освещенной комнате. Когда знаешь, что на улице холодно и неудобно зыбко, надо обязательно сидеть в удобном кресле и предаваться осмыслению своей жизни, читать классиков, проецируя их мудрые мысли на себя и нынешнюю действительность.

Ничего обдумывать она не хотела, проецировать что-то там и уж тем более ковыряться в себе. Юлька столько всего передумала, что в мозгах что-то заклинило, какие-то проводки от чрезмерной нагрузки соединились не так, заблокировав умные мысли и правильные выводы, оставив только уже привычную, постоянную, как неизбежный холодный рассвет, боль.

Вчера они встретились с Карелией в кафе. Болтали обо всем, смеялись, как говорится: ничего не предвещало...

И вдруг Кара стала серьезной, задумалась, посмотрела куда-то вдаль и, переведя взгляд на Юльку, сказала:

– Ты живешь в странном мире. В мире, в котором не разрешаешь быть прошлому, не выпускаешь будущее и в котором нет настоящего. Такое случается с людьми, когда они переживают трагедию, что-то вроде анестезии, но это состояние длится несколько недель, ну, может, пару месяцев. А ты зависла в нем надолго. Хватит, Юль, жить не живя, надо двигаться вперед!

– Как?

– Как угодно – правильно, неправильно, но вперед! У тебя такое яркое, жизнерадостное творчество, значит, в тебе есть внутренние резервы, силы, чтобы радоваться. Так реализуй их в жизни, а не только в своих проектах и картинах!

– Я попробую, – ответила, лишь бы уйти от неприятной темы, Юлька.

– Нет! Ты не пробуй – а возьми и сделай! Прямо сейчас! Сядь в тишине, подумай, проанализируй, что мешает тебе идти вперед. Изложи, в конце концов, на бумаге! Напиши историю своей любви, честно, без оправданий, обвинений и желания приукрасить! Напиши, прочти и сожги к чертовой матери! Если не поможет – повтори, еще раз, еще!

– Хорошо! – на этот раз пообещала Юлька.

Карелия всегда права. Она была настолько мудрой, что Юльке казалось порой, что подруга ясновидящая или экстрасенсша какая-нибудь, на худой конец, добрая колдунья. Ну в самом деле, нельзя же быть такой красивой и мудрой!

Юлька обладала чертой характера, которая страшно мешала и часто осложняла ей жизнь: если она что-то обещала, то обязательно делала это, хоть трава не расти!

Тяжело вздыхая от необходимости исполнения данного обещания, она промаялась целое утро, слоняясь из комнаты в комнату, оттягивая неизбежность исполнения. Занимаясь тем же оттягиванием, села за рабочий стол, долго и тщательно наводила порядок на нем, разложив эскизы и наброски в аккуратные стопочки, сдула несуществующую пыль с поверхности и, еще раз тяжело вздохнув, взяла лист бумаги.

Девственно-белый лист лежал перед ней в ожидании, пугая своей притягательностью, словно поторапливал: «Ну, давай, напиши что-нибудь!»

«А что?» – спросила себя она.

Юлька взяла ручку, посмотрела, задумавшись, в окно и решительно ринулась в эпистолярное излияние души, решив писать не раздумывая, а что придет в голову. С лету!

«Каждому человеку кажется, что его страдания, его боль, его любовь самые сильные, самые болезненные и никто другой и представить себе не может всей глубины переживаемого им. И от этого мы в своих страданиях ужасно и безнадежно одиноки.

Что мучает меня, что не дает жить и дышать во всю силу?

Обида? Непонимание? Или нежелание принять и смириться с той действительностью, которая сложилась совсем не так, как я себе придумала?

Любовь? Что от нее осталось, от моей любви?

Любовь обростает мечтами, желаниями и надеждами, которые расцветивают ее в самые невероятные краски, делая глубже, прекрасней, ярче! У меня были чудесные мечты!

Господи! Какие же красивые мечты были у меня!!! Но они улетели разноцветными воздушными шариками в голубое ясное небо, постепенно уменьшаясь в размерах и растаяв навсегда.

А семь месяцев назад ушла, безнадежно махнув рукой, надежда.

Что осталось у меня?

Только любовь...

Безнадежная, неосуществимая и от этого голая, безусловная. Без всяких условий.

Просто любовь...»

Юлька бросила ручку в раздражении.

– Не могу!

Она сложила ладони на столе, уперлась в них подбородком и посмотрела в окно на летящий снег.

Когда Юлька увидела его первый раз, было лето.

Замечательное, жаркое, бесшабашное дачное лето. Июль. Юльке исполнилось десять лет.

Каждый год родители снимали дачу в подмосковном поселке у одних и тех же людей. Большой дом был разделен на две половины – хозяйскую и ту, что сдавали дачникам, в последнюю которую входили четыре комнаты: две на первом этаже, две на втором, отдельная кухня и длинная открытая веранда. А еще они могли пользоваться всем огромным участком вокруг дома. Юлька обожала лето, эту дачу, поселок, своих дачных друзей, маму, папу, их друзей, хозяев дачи и их собаку с прозаическим именем Жулька! Все-все-все, что связано с дачным летом, Юлька обожала!

В мае она начинала по сто раз в неделю спрашивать родителей, не забыли ли они договориться с Ярцевыми о даче. После майских праздников все ее друзья по даче начинали активно перезваниваться, договариваться о встречах и важных летних планах. Дней за десять до отъезда Юлька начинала собираться, и к моменту, когда все необходимые вещи стояли в коридоре и папа давал команду: «Все! Выежаем!», она уже торчала у дверей и переминалась в нетерпении с ноги на ногу, как резвый молодой конек.

Самым страшным наказанием для девочки было обещание родителей отправить ее на юг, к морю!

Когда ей было восемь лет, родители решили оздоровить дочурку и повезли в Крым, в пионерский лагерь. Юлькины слезы и мольбы не смогли повлиять на их решение. Какой-то знакомый врач настоятельно порекомендовал родителям такой летний отдых для дитя, напугав попутно всяческими ужасами о московской экологии. В те времена это понятие было не в ходу и мало кто обращал на это внимание, но врач, что б ему пусто было, попался «продвинутый», впрочем, как и Юлькины родители.

У папы сердце обрывалось, когда Юлька стенала и упрашивала не отправлять ее в этот лагерь.

– Папочка! Ну, пожалуйста! – рыдала Юлька. – Не хочу я это море, я на дачу хочу!

– Марина! – не выдерживал папа, обнимая дочку и вытирая ей слезы. – Может, черт с ним, с лагерем? Смотри, как ребенок убивается!

– Игорь! – стояла на своем мама, напуганная страшилками о том, чем дышит ее ребенок в течение года. – Так нельзя! Позагорает, поплавает, иммунитет укрепит!

Она забирала дочь из рук мужа, прижимала к себе и уговаривала:

– Юлечка! Тебе понравится. Ты ведь никогда на море не была, а там очень красиво. И ребят много, познакомишься, подружишься!

– Не хочу! – плакала Юлька. – У меня друзья на даче есть, они меня ждут!

С приближением дня отъезда сцены рыданий и уговоров повторялись с большей частотой и насыщенностью Юлькиными рыданиями, уговорами, обещаниями, ультиматумами, ну, по полной программе. Папа готов был сдаться, видя дочкино трагичное лицо, но мама оставалась непреклонна. Она сама повезла Юльку на юг, чтобы сдать с рук на руки и посмотреть лагерь, в который отправляли любимое чадо.

Не сумев разжалобить родителей и добиться своего, чадо поступило другим образом. На второй день пребывания в замечательном лагере (а кто спорит: замечательный, с огромным парком, пляжем, питанием, ну и всем остальным) Юлька заболела. Ее положили в изолятор с температурой сорок градусов. Перепуганная мама металась по врачам, пытаясь выяснить, что за болезнь приключилась с дочерью. Те пожимали плечами – а бог его знает? На простуду не похоже, в море дети еще не купались, может, такая реакция на солнце?

Мама быстро собрала девочку, и в тот же день на самолете они вернулись домой в Москву, где странным образом непонятная болезнь мгновенно исчезла. И уже на следующее утро Юлька оглашала дачные окрестности здоровым криком молодого павиана.

Родители, стоя на веранде дома, наблюдая встречу дочери с друзьями, сопровождаемую криками неподдельной радости воссоединения, обсудили ситуацию.

– Дурацкая была идея! – сказала мама.

– Да, – согласился папа – И врач этот тоже дурацкий! И мы с тобой хороши! Ну что переполошились? Оздоровливается она и здесь, без всякого моря и крымского солнца!

– Нет, ну какова! – восхитилась мама. – Не мытьем, так катаньем! И ведь умудрилась заболеть до температуры! А?

– А ты думала, – рассмеялся папа. – Она же рыжая, вся в прабабку, а та всегда добивалась чего хотела!

– Нет, ты посмотри, куда вся болезнь девалась! Орет, как будто только с пальмы слезла! – и мама звонко рассмеялась. – А все-таки Юлька у нас молодец! Ну, действительно, на черта ей это море сдалось, если она здесь целый день на воздухе, мы ее с трудом есть и спать загоняем; и речка, и лес, и друзья тут, и дела у них свои всякие «важные».

С тех пор, если Юлька умудрялась схватить пару в школе, или прогулять уроки, или натворить что-нибудь, то последним предупреждением и самым страшным из возможных наказаний было обещание родителей отправить ее летом к морю вместо дачи. И эта совсем уж крайняя мера устрашения способна была приструнить ее надолго.

Было лето. Июль. Стояла жара.

Юльку загнали домой обедать, и она все торопила родителей, расслабленных и несуетных в выходной на даче.

– Ну, давайте скорее! Меня же все ждут! – просила девочка, помогая родителям накрывать стол на веранде.

Она как угорелая моталась из кухни на веранду, кидая на стол вилки-ложки, хлебницу, салфетки.

– Юля, не торопись, все равно, пока спокойно не поешь, никуда не пойдешь. Ты же знаешь! – говорила мама.

– Ладно, – вздыхала Юлька.

Конечно, речка, велики, друзья никуда без нее не денутся, но уж очень эти обеды и ужины мешали грандиозным планам компании, всегда почему-то оказываясь не вовремя.

Юлька торопливо ела, умудряясь при этом рассказывать о проделках, которые они устраивали. Мама с папой смеялись, забыв отчитать дочь за рискованные приключения, солнце шпарило, из радио, висевшего в кухне, доносилась какая-то песня, и в это время...

Юлька, сидевшая за столом лицом к ступенькам, ведущим на веранду, увидела Его и замерла, не донеся ложку с супом до рта, который так и остался открытым.

Он поднимался по трем скрипучим деревянным ступенькам и был похож на древнегреческого бога! Юлька как раз сейчас штудировала книгу «Легенды и мифы Древней Греции» и совершенно точно знала, как выглядят эти боги!

Капли срывались с замершей на полдороге ко рту ложки и падали в тарелку с супом, обдавая футболку мелкими брызгами.

Время для Юльки остановилось! И куда-то исчезли все звуки. И весь мир куда-то тоже делся.

Она смотрела, широко раскрыв глаза, на самого красивого на свете мужчину!

Вообще-то он был обыкновенным, ну не совсем уж обыкновенным, скорее, очень интересным мужчиной, но тогда он казался ей невероятным, сказочным красавцем!

Что там принц! Принцы это так, ерунда – сыновья королей, которые неизвестно когда сами станут королями, особенно если папаши в добром здравии! Да и хлипкие они, ходят в штанах в обтяжку и в коротеньких (ободранных, что ли?) плащиках на плечах. Юлька сама видела, когда родители водили ее на балет, да и в книгах все эти принцы изображены тоненькими, худенькими. Нет, это не то!

Вот невесть откуда взявшийся незнакомец... Это да! Высокий, большой, даже солнце загородил!

– Здравствуйте! – улыбнулся «бог».

И время потекло дальше, и звуки вернулись: из радио опять доносилась песня, капли, срываясь с ложки, громко шлепались в суп, из-за забора Серега кричал:

– Юлька, давай быстрее!

– О, Илья! – обрадовался папа, вставая со стула.

Он пожал «богу» руку, приобнял его и похлопал по спине.

– Молодец, что приехал!

– Здравствуй, Ильяша! – улыбнулась мама. – Садись скорее за стол.

Юлька переводила взгляд с одного взрослого на другого. Как это родители с ним так запросто? Он же бог!

– Дочка, доедай! – сказала мама.

– Здравствуйте, Юля – поздоровался с ней (с ней!) «житель Олимпа». – Наконец я с вами познакомлюсь. Ваш папа про вас много рассказывал.

– Что? – пропищала потрясенная Юлька.

– Да разное! – рассмеялся он.

Мама усадила гостя за стол возле Юльки, поставила перед ним прибор и налила ему суп в тарелку.

– Меня зовут Илья, – представился «небожитель».

– Вы похожи на греческого бога! – выпалила Юлька и уронила ложку в суп, на этот раз вызвав фонтан брызг.

– А что, действительно! – согласился, смеясь, папа. – Кудри, нос с небольшой горбинкой, синие глаза. Похож!

– Юля сейчас изучает Древнюю Грецию, – пояснила мама. – И всех и все сравнивает с оной. Давай, красавица, неси тряпку и вытри со стола последствия своего знакомства с богами.

Юлька быстро-быстро сбежала в кухню, схватила тряпку, вытерла стол, бросила тряпку куда-то в угол, уселась на место и восхищенно уставилась на гостя.

– Должен вас разочаровать, Юлечка: я не бог и даже не грек. Увы! – улыбнулся он ей невероятной красоты улыбкой, подогревая воображение девочки до предела.

– А почему тогда вы говорите мне «вы»? – спросила Юлька, отказываясь расставаться со своей убежденностью.

– Так проявляют уважение к малознакомым людям и старшим по возрасту или должности, – пояснил папа. – Илья человек воспитанный. И насколько я помню, мы с мамой старались и тебе привить хорошие манеры.

– А! – вспомнила Юлька о том, что ей пытались «привить» родители. – Мне надо спросить о погоде? – уточнила она. – Как погода в Греции?

Он рассмеялся.

– Юлечка, вот честное слово, я не грек и уж тем более не один из их богов! Я самый что ни на есть настоящий русский. Кстати, древние греки были блондинами в основном, я для них темноват, а вот вы подходите – рыжие там часто встречались, особенно среди богинь.

– Слава богу, она не изучает Средневековье! – заметила мама. – А то бы потребовала, чтоб ты надел латы и продемонстрировал меч. Дочка, ты, кажется, спешила?

– А? – отвлеклась от созерцания Ильи Юлька. – Ничего, я не тороплюсь!

– Да? – не поверила мама. – А мне показалось, что тебя ждут.

Юлька, вспомнив о своих важных делах с друзьями, подскочила и тут же плюхнулась назад. Она разрывалась между желанием бежать доигрывать и страхом, что, как только она уйдет, этот уже не бог, как выяснилось, исчезнет.

– Так! – распорядился папа. – Давай, ешь второе и можешь идти гулять.

– А вы не уедете? – спросила она у Ильи.

– Нет, – ответил за него папа. – Илья приехал отдохнуть, и нам надо с ним поработать.

– А вы кто? – допытывалась Юлька.

– Я ученик вашего папы, мы вместе работаем, он мой научный руководитель.

– А! – кивнула головой Юлька.

Доспехи бога стремительно тускнели, делая гостя ближе и реальней.

– Вы его аспирант?

– Не совсем, я его сотрудник.

Папа отвлек Илью от разговора с Юлькой, и они стали обсуждать какую-то только им понятную тему. А девочка, неотрывно глядя на гостя, быстро справилась со вторым блюдом.

– Юля! Да что с тобой? – спросила мама.

– Мам, он очень красивый, правда?

– Кто? Илья? – уточнила мама.

– Ну да!

– Похоже, Илья поразил твое воображение, – улыбнулась мама.

– Поела? – поинтересовался папа. – Все, иди, тебя друзья ждут!

Юлька подскочила, скороговоркой поблагодарила за обед и ринулась вниз по ступенькам с веранды, но остановилась уточнить тревожащие детали.

– Вы когда уезжаете?

– Илья останется с ночевкой, – ответил вместо него папа и обратился к гостю: – Баньку затопим, посидим, поговорим. Мне очень понравилась твоя идея, надо обсудить.

– Хорошо! – обрадовалась Юлька. – Ну и, если вы все-таки не бог, давайте на «ты»!

– Согласен! – рассмеялся Илья.

Юлька умотала, но каждый час забегала под разными предлогами: воды попить, переодеться, взять велик, оставить его, на самом же деле проверяя, не делся ли куда Илья. В выдвигаемую им теорию о своем якобы простецком русском происхождении слабо верилось – ну как может этот красавец оказаться кем-то простым!

После целого дня активных игр и занятий Юлька обычно спала как убитая, даже не ворочалась во сне, вырубаясь на лету, не успев донести голову до подушки. Но сегодня она никак не могла уснуть – ну вот никак! Ворочалась, вздыхала, ужасно беспокоясь, что подозреваемый на роль бога все же исчез. Да, сейчас! Будет она переживать бездейственно! Юлька достала фонарик из-под подушки, где хранились всякие «важные» мелочи: большой ржавый гвоздь, красивый камешек, записка от Вовки, который ей нравился до сегодняшней исторической встречи с божественным Ильей, следующего содержания: «Юлька выходи мы тебя ждем», сломанные наручные часы и много еще разного.

Включив фонарик, она отправилась в гостиную, где на диване устроили на ночь Илью. Решительно подойдя к спящему, Юлька посветила ему в лицо. Надо же убедиться, что гость на месте!

Он проснулся, заслонил рукой лицо от луча света и спросил:

– Юль, это ты? Что случилось?

– Ничего, я хотела проверить, не испарился ли ты! – ответила она.

Илья рассмеялся, сел и похлопал по дивану рукой, приглашая ее сесть рядом.

– Садись.

Юлька проворно забралась на диван.

– Мы ведь уже выяснили, что я не древнегреческий бог, а вполне живой и реальный русский.

– Я так, на всякий случай – объяснила Юлька.

Он погладил ее по волосам и спросил:

– Откуда у тебя такие красивые рыжие кудри?

– Говорят, от прабабушки, папиной бабушки. Я ее видела только на фотографии, но она не цветная, и какие у прабабушки там волосы, непонятно. А почему ты раньше не приходил? Папины аспиранты у нас часто бывают, а тебя я ни разу не видела.

– Так сложилось. Вы далеко живете, а я рядом с институтом, где мы работаем. Поэтому, если мы засиживаемся там допоздна, то идем ко мне домой.

– А ты один живешь?

– Нет, с родителями. Ну, Рыжик, давай спать. Обещаю, что утром все еще буду здесь.

Он помог ей слезть с дивана, чмокнул в макушку. Развернул к выходу и легонько подтолкнул.

– Иди. Спокойной ночи.

– Угу, – пробормотала Юлька и поплелась к себе в комнату.

Как только она удостоверилась в наличии объекта на месте, на нее навалилась непреодолимая сонливость.

Юлька была рыжей. Огненно-рыжая, непослушная, вся в кудряшках копна волос, с которой могла справиться только мама, заплетая ее в косички, ужасно раздражала Юльку и доставляла массу хлопот.

– Мапочка, – просила Юлька, терпя пытку косичками. – Давай пострижем эти волосы коротко-коротко!

– Тогда ты вся будешь в мелкую кудряшку. Ты этого хочешь?

– Не очень, – вздыхала Юлька. – Но и терпеть это мне надоело!

– Юлька, да за такие волосы большинство женщин душу бы продали, а тебе они достались даром!

– Зачем душу, я и так отдам с удовольствием!

– Вот вырастешь, станешь девушкой, тогда и оценишь, какое богатство имеешь! – успокаивала мама.

Юлька родилась с ярким, морковного цвета чубчиком. Папа таял от умиления и любви, когда ему вручили пищущий сверток первый раз.

– Марина! Надо назвать ее Лилией! – вздыхал от счастья папа, рассматривая дочь. – Она такая беленькая, нежная, и волосики рыжие, прямо рыжая лилия!

– Да какая лилия?! – смеялась мама. – У нее уже сейчас характер, как у «предводителя краснокожих», а ты – лилия!

Папа не желал слушать никакой критики в адрес дочурки, его «нежного цветочка». Родители, а с ними и бабушки с дедушками, долго спорили, как назвать чадо. Папа упорно стоял на своем, аргументируя «Лилию» нежностью и прелестью ребенка.

– Она же просто принцесса! – ворковал он, не выпуская дочку из рук.

Остальные высказались категорически против такого имени и любых других цветочно-розовых вариантов.

– Хорошо! Тогда давайте назовем Юлией, как бабушку, раз она так на нее похожа! – сделал уступку папа.

– Да господь с тобой, Игорь! – всплеснула руками папина мама. – Ты что, бабушку не помнишь? У нее был такой взрывной характер! А уж сколько крови она испортила мужчинам!

– Вот и хорошо! Значит, девочка сможет за себя постоять! – обрадовался будущей перспективе папа. – Но моя дочь такой не станет! Она нежная, тихая, настоящая принцесса! Правда, Юлечка?

– Агу! – ответил ребенок.

– Вот видите! Она отзывается на Юлю! – просиял родитель.

Мама выразительно подняла глаза к потолку, стараясь не рассмеяться.

Очень скоро папа понял, как ошибался в оценке характера «нежного цветочка»!

Юлька росла энергичным, шустрым, не в меру любопытным ребенком с бойцовским, упертым и целеустремленным характером. В восемь месяцев она начала ходить, перед этим ползая так быстро, что родители частенько за ней не поспевали. Девочка лезла везде, познавая мир в кратчайшие сроки, умудряясь с молниеносной скоростью доставать, рвать, ломать, пробовать на зуб все, что попадалось ей на пути, пользуясь любой малейшей расслабленностью родителей, не уследивших за дитятей. Папа хватался за голову, когда, собираясь на работу, обнаруживал расшнурованными свои туфли (любимое Юлькино занятие – расшнуровывать все, что имело шнурки и попадалось ей под руку). Самое страшное испытание для опаздывающего на работу отца заключалось в том, что найти сами шнурки было невозможно, куда она их девала, оставалось загадкой.

Вершина постижения Юлькой мира, можно сказать, научного мира, а заодно и степени терпения отца случилась в полуторагодовом возрасте. Девочка мгновенно забралась на письменный стол с помощью стула, стоявшего между ним и диваном, на котором она мирно играла,

пока папа не отвлекся буквально на пару минут. Этого времени ей вполне хватило, чтобы залезть на стол, обследовать бумаги, лежавшие на нем, и... сделать свои детские «важные» дела на доклад для научной конференции.

Папа стонал и опять хватался за голову, а мама смеялась, убирая следы «катастрофы».

– Игорь, может, ребенок дал свою оценку твоему докладу? Наверное, тебе следует над ним еще поработать.

В общем, ребенок рос и развивался, доставляя родителям море радости и вынуждая их поддерживать спортивную форму с помощью бега по пересеченной квартирной местности в не всегда удачных попытках вовремя поймать дитя.

В то лето Илья появлялся у них на даче очень часто, каждые выходные, а иногда и среди недели. У них с папой была какая-то важная работа, впрочем, сколько Юлька помнила, у папы всегда была важная работа.

Юлька любила Илью самозабвенно, со всей страстностью своей рыжей натуры. Родители, будучи людьми мудрыми, не позволяли себе подшучивать над данным обстоятельством, понимая, что само пройдет, и стараясь не нанести ребенку душевную травму. Дачные Юлькины преданные друзья принимали данный факт, собственно, попробовали бы не принять – рулила парадом в их компании Юлька (а кто же еще?). Тот, кто попытался бы зло шутить, вполне мог остаться и без зуба или приобрести «бланш», навеки потеряв Юлькину дружбу.

Юлька бегала встречать свой объект повышенного обожания к электричке, когда знала, что он должен приехать, прихватив, конечно же, всю компанию, доводя людей на платформе криками и проделками до предынфарктного состояния. Продавщицы мороженого и пирожков, а с ними и бабульки, торговавшие огородными дарами, спешно закрывали торговлю, заведя Юльку с друзьями, и небезосновательно – от греха подальше. Словом, приезд Ильи Адорина по степени шума и народного ликования неизменно был обставлен не хуже, чем градоначальника какого.

Этой же компанией, но уже с Илей они ходили на речку, в лес, загорали, играли в волейбол. Юлька слушала их непонятные разговоры с отцом – наука, наука и, как водится, еще раз наука! Но она слушала, только бы посидеть рядом!

Потом, спустя годы, став взрослой, вспоминая то лето, Юлька поняла и оценила, насколько правильно и тактично вел себя Илья. Он не делал вид, что не замечает обожания девочки, не шутил, не говорил всякие глупости по этому поводу, а главное – не смущался! И всегда повторял, что его самолюбию очень льстит, что такая очаровательная девочка одарила его своим вниманием, умело переводил все их разговоры в игру, в шутки или начинал рассказывать захватывающие, удивительные истории, легенды, которые Юлька и ее друзья могли слушать часами! Он был молодец! Но Юлька поняла это уже потом, а тогда она любила не столько его, сколько само состояние любви, ведь все маленькие девочки когда-то бывают в кого-то влюблены!

Однажды, проявляя свое безудержное чувство, она чуть не угробила родного отца.

Юлька знала, что в этот день должен приехать Илья, но во сколько именно появится божественный, было неизвестно. Папа сказал:

– Приедет, обещал, в течение дня, точного времени не знаю.

Чтобы не пропустить тот счастливый момент, Юлька устроила игры с друзьями в непосредственной близости от своей калитки. И все-таки она его прозевала!

Ребята всей компанией понеслись на соседнюю улицу, лишь на несколько минут, посмотреть, как тетя Зина, местная жительница поселка, ловит в огороде свою сбежавшую козу. Насмеявшись над уморительными проделками животного, которое умудрялось скакать по огороду, не забывая при этом то петрушки отщипнуть, то кусок капусты с грядок под громкие крики хозяйки, ругавшей безобразницу на все лады, друзья вернулись к Юлькиному дому. И

тут Юлька увидела, что калитка широко открыта, Илья с мамой сидят на ступеньках веранды и о чем-то разговаривают.

Юлька рванула к любимому, не заметив отца, который, оседлав каменный столбик (к таким столбикам крепились створки ворот), приделывал какое-то приспособление. Да что там отца – она вообще вокруг никого не видела, кроме Ильи: ни мамы, ни отца, ни сидевшей на ее пути Жульки, которая выбрала папу хозяином и, когда тот появлялся на улице, не отходила от него дальше, чем на два метра. В данный момент преданная псинка сидела возле ворот, задрал морду, и не сводила глаз с папы, от счастья виляя хвостом.

– Илья!!! – заорала Юлька.

От неожиданности папа вздрогнул, потерял равновесие, попытался схватиться руками за опору, но руки у него были заняты инструментами, и с криком «О, черт!» Игорь Дмитриевич рухнул на землю. А Жулька с перепугу завалилась на бок, истошно заверещав.

– Парит наш орел, – сказала Юлька, удивившись упавшему с неба к ее ногам непонятно откуда взявшемуся отцу.

Она сделала пару робких шажочков к нему, наклонилась и спросила:

– Пап, ты жив?

– Не знаю, – простонал он, вставая на четвереньки.

Удостоверившись, что отец живой, Юлька аккуратно обошла его по дуге и понеслась дальше к Илье, а мама кинулась к упавшему мужу.

Встретились они на полдороге. Юлька, не сводившая взгляда с Ильи, обнаружила препятствие в виде мамы, только когда столкнулась с ней. Мама, сбита с ног рыжей торпедой, приземлилась на грядку с петрушкой.

– Ой! – пискнула Юлька и побежала дальше, не останавливаясь.

И, наконец добравшись до конечного пункта, кинулась гостью на шею.

– Привет, Илья!

– Может, нам ее в хор отдать? – спросил папа, вставая и потирая ушибленный бок.

– В церковный! – поддержала мама, вылезая из грядки. – Голосище, как у попа!

Игорь Дмитриевич Расков, Юлькин папа, был доктором наук, преподавал студентам и занимался научной работой в другом институте, академическом. Юлька знала из разговоров взрослых, что папа очень талантливый ученый. Илью те же взрослые тоже называли талантливым и подающим большие-пребольшие надежды. Он являлся кандидатом наук и занимался научной работой вместе с папой, под его руководством, еще с тех времен, когда был студентом.

И так сложилось, что друзья родителей, собиравшиеся у них на даче почти каждые выходные, а иногда и в будни, в большинстве своем оказались учеными. Они часто и помногу спорили и говорили о вещах, совершенно непонятных Юльке. Сидя за столом часами, иногда так увлекались, что, доказывая правильность некоторых мыслей, писали что-то на салфетках, порой изводя целые пачки за один разговор.

Юлькиной энергии и неумного воображения хватало и на то, чтобы отвлечь от научных дебатов и втянуть в свои игры и замыслы академических мужей и дам. То она придумала театральную постановку сказки «Двенадцать месяцев», а так как ролей было много, девочка задействовала и друзей родителей помимо собственной компании. Ученые мужи бросали свои научные споры и с удовольствием вырезали, клеили и мастерили костюмы и декорации. С не меньшим энтузиазмом учили текст и репетировали, порой так увлекаясь, что забывали об основных участниках представления – детях. После триумфального показа постановки последовали другие спектакли: «Золушка», «Белоснежка и семь гномов», где, кстати, одного из гномов играл академик. Между прочим, роль ему удалась.

Взрослым до такой степени это понравилось, что они и сами стали придумывать какие-то постановки, пародии – все то, что в театральной среде называется «капустник».

Но всегда, всегда на роли главных героев Юлька назначала Илью, а сама, соответственно, играла главных героинь. А какие еще могли быть варианты?

Костюмы и декорации Юлька придумывала сама.

Когда ей было года три, она разрисовала все доступные ей места на стенах квартиры. Папа с мамой пришли с работы и, зайдя в свою спальню, остановились, впад в небольшой шок – стены комнаты в Юлькин (тогда еще, слава богу, маленький) рост были раскрашены зеленой акварельной краской, изображавшей траву.

– Мам! – закричал папа. – Что это такое?

С Юлькой тогда сидела бабушка, потому что родители работали: папа в двух своих институтах, а мама в его же институте преподавала студентам английский.

– Что? – пришла бабушка на зов сына с Юлькой на руках, такой же зеленой, как и трава на стенах.

– Вот это что? – показал папа на стены, а посмотрев на счастливо улыбающуюся дочь, указал и на нее. – И это?

– Юлечка нарисовала траву. Правда, здорово получилось?

– А ты куда смотрела, когда она рисовала? – спросил папа.

– Как куда? Я ей помогала. Одна она бы с таким объемом работы не справилась, – гордо ответила бабушка.

– А что, мне нравится! – вступилась мама. – Живенько так, как в поле.

– Как в дурдоме! – проворчал папа. – Все зеленое, и Юлька тоже!

– У ребенка явный талант! – восхищалась бабушка. – Ей надо обязательно заниматься рисованием!

– А можно не на обоях? – взмолился папа.

– У нее масштабное видение! – рассмеялась бабушка.

Мама с папой смирились – да пусть рисует, где хочет, может, действительно талант. Так Юлька, получив полную свободу и, что самое важное, перестав посягать на папины бумаги как на предмет, где можно рисовать, стала размалевывать стены квартиры.

Родители от этого безобразия только вздыхали, но терпели. На ремонт у них не хватало ни сил, ни времени, но надо было как-то ликвидировать ее художества. Папа придумал гениально простое решение, и через год после «первой травы» в спальне, когда стены закончились и дитя стало поглядывать на его рабочий стол в поисках бумаги, он обклеил все стены снизу белым ватманом – рисуй, ребенок!

И малышка рисовала. Много и с удовольствием.

Когда Юлька стала постарше, ее отдали в художественную школу, и родители, вздохнув с облегчением, все-таки сделали ремонт.

Поэтому никого не удивило, когда она смастерила из старых выцветших штор сказочно красивый театральный занавес, разрисовала костюмы и придумала декорации. Юлька была инициатором, постановщиком и главным художником всех дачных спектаклей, а впрочем, во многом и самой их дачной жизни.

Так замечательно и от этого несправедливо, невероятно быстро пролетело то лето, когда ей было десять лет и она первый раз встретилась с Ильей.

ИЛЬЯ

Илье Андреевичу Адорину было в то лето двадцать пять лет.

Он увлекся и начал заниматься наукой еще в школе. Ему было до такой степени интересно, что он зачитывался толстенными научными книгами как художественной литературой. Влегкую поступив в институт, как нынче говорят подростки – не парясь, он учился с постоянным ощущением радости. И уже на втором курсе он занялся научной работой под руководством Игоря Дмитриевича, тогда еще кандидата наук. А дальше по обычным накатанным рельсам – на четвертом курсе Расков выбил ему ставку лаборанта, чтобы тот мог немного подработать, на пятом Илья сдал два экзамена на кандидатский минимум. Блестяще защитил диплом и на его основе написал кандидатскую, через год сдал профилирующий экзамен, а потом и защитился.

Нельзя сказать, что Илья любил дело, которым занимался, – такая постная формулировка не может передать всех тех чувств, ощущений, которые он испытывал, работая.

Он жил этим, дышал, состоял из этого, всегда держа в голове формулы, алгоритмы, а находя верное решение, испытывал такие невероятные по накалу чувства, которые не с чем даже сравнить.

Сто раз прав был Бернард Шоу, когда сказал: «Интеллект – это страсть, и Декарт получал больше удовлетворения и удовольствия, чем Казанова!»

Да, да! Именно так! Это страсть, предощущение победы, когда чувствуешь: вот сейчас, вот где-то близко, вот так правильно – и получаешь, делаешь! И все звенит внутри, ликует, и сил в тебе, как в десятиерых, и хочется прыгать до потолка, и приходит невероятное, искрящееся состояние полного счастья!

И снова поиск, трудный, мучительный, интересный.

Это была его жизнь. И он так ее любил, что ни за какое сокровище в мире не согласился бы променять на что-то еще!

То лето, когда Илья первый раз приехал на дачу к Расковым, было особенно замечательным. Они с Игорем Дмитриевичем бились над одной ну никак не поддающейся проблемой и вдруг, всего за неделю, кардинально поменяв подход и описание, расщелкали ее! Это было так здорово и неожиданно!

Илья чувствовал себя победителем, героем, абсолютным чемпионом! И влюбленность в него бесшабашной, искренней, непосредственной Юльки словно явилась ознаменованием этой победы.

С женой Игоря Дмитриевича, Мариной, Илья был знаком давно, она преподавала в их институте английский и знала Адорина со второго курса, когда тот начал работать с ее мужем, а вот их дочь Юльку он увидел впервые, но слышал о ней и ее проделках от нежных родителей ой как много.

Разумеется, она оказалась необыкновенной девочкой. Ярко-рыжие волосы, закручивающиеся в кучеряшки, голубые восторженные глаза, худенькие ручки-ножки и белая, как алебастр, кожа, на удивление, без единой веснушки. Внешне вроде самая обыкновенная, необыкновенной ее делали цвет волос, глаза и именно этот оттенок кожи, а еще ум, чувство юмора, неиссякаемая энергия и явные задатки таланта художника.

Она так искренне, открыто и безапелляционно была в него влюблена, как только может быть влюблена маленькая девочка, что сначала Илья даже перепугался, но Марина с Игорем его успокоили:

– Да пройдет! Это у девочки подростковый возраст начинается, ей непременно надо в кого-то влюбиться, и обязательно во взрослого. Юлька у нас эмоциональная – сегодня любит, завтра нет.

Он старался вести себя как можно тактичнее, чтобы не обидеть ненароком, не задеть ее чувств. Но усмехался и качал головой, когда ловил себя на том, что скучает по этому Рыжику и торопится к Расковым, чтобы услышать встречающее его неизменно восторженное: «Илья приехал!» И подхватить с разбегу на руки, покружить, чмокнуть в рыжую макушку. Юлька любила его неподдельно и совершенно безусловно. Он впитывал в себя это, понимая, что вряд ли какая-либо женщина будет его так любить: чисто и по-детски честно.

Илья с удовольствием, впрочем, как и все взрослые, принимал участие во всех ее задумках и проектах. Рисовал, делал костюмы, наносил «черновую» краску на декорации, оставляя основные штрихи творцу. С Юлькой и ее дачными друзьями ходил в лес, на речку, где плавал наперегонки, нырял вместе с ними со старой ивы в воду, играл в волейбол, гонялся за непослушной соседской козой, умудрявшейся непонятно каким образом выдернуть колышек, вбитый в землю, к которому была привязана.

А вечерами они часто сидели на ступеньках веранды, и Илья рассказывал им о Египте и Риме, о Дании и Норвегии, о фараонах и римских императорах, о викингах и Наполеоне.

И такое это было прекрасное лето!

Следующее лето начиналось так же замечательно и радостно, но оказалось омрачено его приездом с девушкой. После этого все стало как-то не так.

Игорь Дмитриевич в пятницу вечером, по обыкновению, пригласил его.

– Ну что, Илья, давай рванем к нам на все выходные. А в понедельник вместе поедем в институт. Хозяин обещал баньку к вечеру затопить, напаримся, а завтра шашлык организуем.

– Было бы здорово! Но, увы, я в выходные встречаюсь с девушкой.

– Так бери ее с собой! Еще лучше, отдохнете на природе, у нас теперь летняя пристройка есть, хозяева специально сделали для наших многочисленных гостей.

– А Юлька как же? – осторожно спросил Илья.

– А что Юлька? По-моему, ей самое время понять, что ты взрослый мужчина и в ухажеры ей не подходишь. Пора ей найти другой предмет для обожания. Может, она тебя уже разлюбила, вы за зиму всего три раза виделись.

Но Игорь Дмитриевич ошибался, опять недооценив характер дочери.

ЮЛЯ

Юлька ждала это лето особенно нетерпеливо, как никогда.

Ну еще бы!

Ведь летом обязательно, обязательно приедет Илья к ним на дачу! И повторится все, как в прошлом году: речка, спектакли, походы в лес, а вечерами они будут сидеть на веранде, и он будет рассказывать что-нибудь, а она будет держать его за руку! И счастье устроится в ее сердечке теплым котенком.

Он приехал, только не в первые выходные июня, а в следующие. С диким криком африканского туземца: «Илья приехал!» Юлька понеслась к калитке, в которую он входил.

Она уже часа полтора не уходила от дома, дожидаясь их с папой приезда. Юлька кинулась Илье на шею, обвила его, как обезьянка, руками и ногами, он рассмеялся, покружил ее, поцеловал в макушку.

– Привет, Рыжик! Как я рад тебя видеть! Ты стала еще красивей! – сказал он и поставил ее на землю.

– Идем, идем скорее! – торопила Юлька, ухватив Илью за руку. – Мама давно стол накрыла, а вас все нет!

– Подожди, Юль, я не один.

Он сделал шаг в сторону, пропуская вперед незнакомую девушку и Игоря Дмитриевича.

– Может, с отцом здороваешься? – спросил папа.

– Привет, па! – быстро ответила Юлька и чмокнула отца в щеку.

– Познакомься, Юля, это Инга, – представил девушку Илья.

– Здравствуйте, – улыбнулась та.

Симпатичная, стройная блондинка лет двадцати, Юльке она категорически не понравилась. Совсем и сразу.

– Вы сестра Ильи? – ехидно спросила Юлька, тряхнув рыжими кудряшками, выбившими из хвоста.

– Нет, – удивилась девушка.

– Давайте за стол! – позвала с веранды мама. – Вы и так опоздали.

Она наблюдала встречу дочери с Ильей и его спутницей и поспешила вмешаться, на всякий случай. Даже не на всякий, а на данный конкретный – уж зная-то свою дочь!

За столом папа с Ильей, наверное, первый раз не говорили о работе, стараясь сгладить напряженную атмосферу, которую создала Юлька.

Она молчала с того момента, как ей представили девушку, старательно и подчеркнуто изображая хорошие манеры: пользовалась вилок и ножом, вытирала поджатые губки салфеткой, тщательно пережевывала еду, придерживаясь имиджа пай-девочки. Родители, наблюдая сей спектакль, тревожно переглядывались, понимая, что это не к добру.

– Юля, – предприняла попытку остановить бурю мама. – Тебя Вова звал в кино.

– Спасибо, мама, – ответила «очень хорошо воспитанная» девочка. – Этот фильм я уже видела, я не пойду.

– Какой спектакль ты наметила ставить? – спросил папа, выступая с мамой в тандеме в попытке предотвратить неизбежное «выступление» доченьки.

– Я пока не придумала названия, – чинно ответила она, глядя на Ингу, – это о злой ведьме, которая украла принца у его невесты и околдовала.

– Юля, к чему такие страсти? – спросила мама не только о спектакле, усмехнувшись.

– Не беспокойся, мамочка, там все заканчивается хорошо: ведьма сгорела, а влюбленные остались вместе! – обращаясь лишь к Инге, произнесла она.

– Тебя вон твоя команда у калитки ждет, – указала мама в сторону ворот.

– Да, я иду, – согласилась Юлька, поднимаясь из-за стола.
– Ну, слава богу! – не удержал папа вздох облегчения.
Не тут-то было! Это он сильно поспешил с выводами.
– Скажите, Инга, а вы на электричку не опоздаете? – спросило дитя.
– Скорее всего, нет, – спокойно ответила девушка. – Мы с Ильей уедем в воскресенье.
– Значит, вы останетесь у нас ночевать?
– Да, – кивнула Инга и вопросительно посмотрела на Илью.
– С Ильей? – уточнила девочка.
– Юля! – грозно призвал к порядку папа. – Не хаами!
– Я просто спрашиваю, – не испугалась папиного гнева дочка и опять обратилась к Инге:
– У вас любовь?
– Ну... – оторопела от прямого наезда девушка.
– Понятно! – кивнула Юлька. – Лучше было бы вам уехать, Инга, а то мало ли что! Ну, я пойду!

И Юлька, предупредив соперницу, неторопливо-горделивой походкой зашагала к калитке.

Уж кто-кто, а девушка Инга на всю жизнь запомнила ту поездку. Вот сто пудов!

На следующее утро Юлька не поздоровалась и вообще не разговаривала с Ильей и его девушкой. Не удосужила! Сразу после завтрака убежала одна, без верных друзей, на речку и больше часа сидела под ивой, что-то обдумывая.

И придумала. А кто бы сомневался!

Сначала на девушку Ингу «случайно» упала со второго этажа стоявшая на окне банка с «радикально черной» масляной краской, которая стояла на окне, «забытая» Юлькой. Все суе-тились, ахали, охали, отчищая одежду гостей. Юлька, будучи ребенком прямолинейным, в этой суе-те участия не принимала. Затем у дамы, мирно отдыхавшей от неприятных волнений утра в гамаке, в волосах обнаружилось десятка два репейников. Девушка чуть не рыдала, доставая колючки из волос, а Илья, помогая Инге, старался успокоить ее.

Обнаружить Юльку для предания справедливому наказанию, ибо иных кандидатов на такую пакость не наблюдалось, родители не сумели. Немного успокоившись, взрослые заня-лись шашлыком. Приехали еще трое гостей, папины друзья, стало весело, шумно, и за раз-говорами, накрыванием стола, шутками об инциденте забыли. Девушка Инга кокетничала с двумя вальяжными учеными мужами, между делом демонстрируя и подчеркивая свои права на Илью. Она поглаживала его, прижималась к нему якобы невзначай, в разговоре брала за руку – короче говоря, показывала: это мой мужчина. В общем, Инга расслабилась.

А зря!

Правильно рассчитав время, Юлька заявила, когда все уже сидели за столом и шаш-лык был на «подходе», поздоровалась с приехавшими гостями, ответила на многочисленные вопросы о грядущем спектакле, что-то перекусила на бегу.

– Мы с тобой потом поговорим! – строго пообещала мама.

Юлька вертелась возле стола, играла с Жулькой, но, как только услышала, что Илья уго-варивает Ингу сходить на речку искупаться, быстро и незаметно для всех убежала.

– Пойдем, поплаваем! – предложил Илья своей девушке.

– Да ты что, вода еще холодная.

– Здесь речка мелкая, она быстро прогревается, холодно только в глубоких местах. Идем.

– Ну, хорошо, – согласилась девушка.

Когда парочка шла по улице к речке, мимо них, рассчитав момент, на большой скорости пронесся на велике Вовка, прямо по огромной луже, оставшейся после ночного дождя, обдав грязной мутной водой Ингу с головы до ног. Всю.

– Да что это такое?! – возроптала девушка на весь поселок. – Здесь живут не дети, а хулиганы какие-то!

– Теперь точно надо в воду! – рассмеялся Илья – И лучше в одежде!

Но в одежде Инга не стала входить в речку. Раздевшись на берегу, они зашли в реку, и Инга попыталась на мелководье вымыть грязь из волос.

– Надо пойти туда, к иве, там глубоко, и ты все сразу смоешь, – предложил Илья.

– Я плавать не умею! – недовольно ответила Инга.

– Я тебя подержу!

И тут на берег, как горох из стручка, высыпала вся Юлькина компания, ребята побросали велики, разделись и с радостными криками ринулись в речку.

– Мы с вами будем купаться! – «осчастливил» перспективой Вовка, он же мастер по скоростному разбрызгиванию луж.

– Нет уж! – забеспокоилась Инга. – Идите купаться в стороне от нас! Мы сами!

– Да ладно! Вместе веселее! – крикнула Ленка, Юлькина подружка, и плюхнулась в воду рядом с Ингой.

– Дети! Немедленно отойдите от нас! – приказала девушка.

Дети, игнорируя требования нервной дамочки, брызгались, толкались, смеялись и в один миг, как бы невзначай, вытолкали Ингу на глубокое место.

– Ой! – закричала она. – Здесь дна нет!

И в этот момент возле нее с ивы «бомбочкой» прыгнул в реку Серега.

Когда перепуганную, отплевывающуюся, наглотавшуюся речной воды Ингу Илья вынес на берег, Юлька была почти удовлетворена.

Почти.

Окончательная точка в разборках с соперницей была поставлена поздним вечером. Когда Илья с Ингой отправились в «летние апартаменты», чтобы возлечь на «ложе любви». Подпиленные Юлькой еще днем ножки тахты подломились, и конструкция с грохотом рухнула, как только парочка «возлегла» на нее.

– Ну, все! С меня хватит! Это не ребенок, а монстр какой-то! Куда ее родители смотрят?! – кричала возмущенная девушка, выбираясь из обломков «ложа».

– Инга, не кричи, ты всех разбудишь! – смеялся Илья.

– Пусть слышат! Это их дочь хулиганка, ее надо в колонию для несовершеннолетних отдать!

– Что ты несешь? – перестал смеяться Илья, поразившись. – Она ребенок, которого обидели, и защищается как может!

– Ребенок! – возмутилась Инга.

Она встала напротив него, уперла руки в бока в воинственной позе:

– Да эта девица влюблена в тебя, как кошка, и вытворяет черт-те что! А вы все здесь ей потакаете!

Илья шагнул к Инге, схватил за локти и, сильно тряхнув, сказал предупреждающе холодным, пугающим тоном:

– Прекрати немедленно!

Он хотел добавить еще что-то, но в дверь к ним постучал Игорь Дмитриевич, с перепугу выбежавший на шум из дома в одних пижамных штанах.

– Илья, что у вас случилось? Мы слышали грохот и крики!

– Ничего страшного, Игорь Дмитриевич, – ответил, глядя в глаза Инге, Илья. – Упала тахта.

Юльку наказали, сурово, как не наказывали никогда, запретив все на целую неделю: гуляние, купание, общение с друзьями и гостями. Разрешалось только читать нужную по школьной программе литературу и рисовать – это уж как дышать!

Приговор папа огласил утром, поставив Юльку перед потерпевшей.

– Ты поняла? – спросил он.

– Да, папа! – кивнула ничуть не расстроенная Юлька.

– Извинись перед Ингой!

Юлька набрала воздуха в грудь, посмотрела на папу, на маму, перевела взгляд на Илью и ответила:

– Нет! Я ее предупредила!

– Юля! – угрожающе взревел отец.

– Нет! – подскочили и опали рыжие кудряшки от отрицательного жеста головой. – Вы меня наказали, вот и прекрасно! Признаю себя виновной, но не извиняюсь!

Юлька развернулась и ушла, оставив взрослых разбираться дальше без нее.

Инга требовала немедленного отъезда с «гостеприимной» дачи. Расковы уговаривали девушку остаться, ученые мужи и дама, проспавшие вынесение «приговора» и бывшие не в курсе вчерашней эпопеи, предлагали ей махнуть на всякую ерунду рукой и лучше тяпнуть с утречка наливочки или чайку.

Барышня дала себя поугovarивать и уже расслабилась в приятной компании, но Илья лишил ее этого удовольствия. Он проводил Ингу до станции и посадил в электричку, а сам вернулся. Ему надо было поговорить с Юлькой.

Она сидела под деревом и читала внеклассную литературу, заданную на лето. Илья сел рядом.

– Давай поговорим, – предложил он.

– О чем?

– Мне не следовало ее привозить. Извини.

– Но у тебя же есть девушки, все равно, привозишь ты их к нам или нет?

– Есть.

– Просто я маленькая, а ты взрослый мужчина, мне мама объясняла еще в прошлом году, – печально сказала Юлька.

– Да, ты пока маленькая, но скоро вырастешь и станешь очень красивой девушкой, и у тебя будет свой взрослый мужчина.

– Но у меня есть ты! Я вырасту, а ты все еще будешь взрослым мужчиной! – не согласилась Юлька.

– Тогда я стану уже старым мужчиной. Тебе нужен будет кто-то помоложе! – усмехнулся Илья.

– Но я тебя люблю! Зачем мне помоложе? – удивилась Юлька.

– Я тоже тебя люблю, Рыжик, как дочку, как младшую сестренку. Понимаешь?

– Но это неправильно!

Он обнял Юльку за плечи, притянул ее голову к себе, поцеловал в макушку, успокаивая.

– Нет, Рыжик, только так и правильно, а все остальное неправильно, но ты, слава богу, пока этого не понимаешь.

Она не понимала, и ей очень хотелось плакать. Юлке казалось, что сейчас, в этот момент, уходит что-то важное из ее жизни, что-то, что уже никогда не вернется. И не будет уже такого яркого и звездного лета и таких радостных, бесшабашно-рискованных игр. Что-то большое и значительное исчезало, растворялось, оставляя незаполненную пустоту.

– Это уходило мое детство, – прошептала Юлька, глядя на падающие снежинки за окном.

Прошлое втянуло ее в себя как-то незаметно. И неотвратимо.

Прошлое, которое она помнила всегда до запахов, звуков, неуловимых движений, незначительных, но очень важных мелочей, обрывков песен и снов и своих внутренних ощущений.

Может, этот белый лист, на котором она неуклюже попыталась что-то написать, объяснить самой себе, подтолкнул ее к воспоминаниям, а может, пришло время просмотреть прошлое, как фильм, и отпустить...

– Да, уходило детство, – вздохнула Юлька. – Оно не сразу ушло в тот момент, еще парочку фортелей я выдала, но оно уже прощалось.

После этой Инги все стало уже не так.

Юлька не бросалась к Илье навстречу, когда он приезжал, не оглашала окрестности радостным ором, а степенно здоровалась, подставляя щеку для дружеского поцелуя. И все-таки и это лето было замечательным. По-своему, совсем по-другому, но замечательным.

Были в ее жизни речка с нырянием, ставшие традиционными спектакли, игры, волейбол, походы в лес, первые поцелуи с мальчиками и первые влюбленности в их дачной компании. Девочка выросла, менялась, начиная ощущать в себе призывы женственности, забывая повадки «вождя краснокожих».

Зимой Юлька выдала одну из своих выходов, становившихся более редкими по мере взросления.

Усаживаясь за стол ужинать с родителями, она серьезно заявила:

– Когда мне исполнится шестнадцать лет, я выйду замуж за Илью!

– О как! – воскликнул папа.

– Почему именно в шестнадцать? – спросила мама.

– Можно было и в четырнадцать, конечно, – рассуждала серьезно Юлька. – Как Ромео и Джульетта, но время сейчас не то, и в четырнадцать не по закону.

– По закону и в шестнадцать нельзя, – сказала мама.

– Значит, штудлируем «Вильяма нашего Шекспира». А тебе не рано? – поинтересовался папа.

– Ромео и Джульетта в четырнадцать лет уже любили друг друга и поженились! – возразила Юлька.

– Да. Но если ты внимательно читала, то помнишь, чем это закончилось, – заметила мама.

– А если Илья не захочет на тебе жениться? – спросил папа.

– Как это не захочет? – поразилась Юлька. – Я же его люблю!

– Ну а если он тебя не любит, а любит кого-то другого? Такой вариант ты не рассматривала? – улыбнулся папа.

– Нет, не рассматривала, да и глупости это! Кого же ему еще любить?

– Действительно, кого? – усмехнулась мама.

– Ладно, Марин, – успокоил жену папа, – до шестнадцати время есть, может, она тогда что другое придумает.

– И не надейтесь! – заявила весьма решительно дочурка. – Только Илья! И никаких других вариантов!

Юля улыбнулась, вспомнив тот разговор и свое решительное заявление. Она убрала лист и ручку в ящик стола, сходила на кухню, заварила себе крепкий чай с лимоном и вернулась в комнату. Убрала стул, поставив на его место кресло, забралась на него с ногами, обхватила кружку ладонями и посмотрела в окно. Она разрешила себе воспоминания, смирилась с их навязчивым вторжением и погрузилась в прошлое.

Еще пару лет родители снимали летом дачу, но Илья приезжал к ним все реже и реже, да и гостей почему-то поубавилось, и настал тот год, когда родители не смогли себе позволить весь летний сезон за городом и сняли дачу только на месяц. Тогда Илья был у Расковых всего один раз.

В стране творилось черт-те что, и в науке, естественно, тоже. Это угнетало взрослых и отражалось на детях. В том году уже не ставили Юлькины знаменитые спектакли, не разрисовывали костюмы и декорации и не предавались такому бесшабашному, развеселому летнему отдыху.

Взрослые все чаще вздыхали, беседуя за столом, и с тревогой спрашивали друг у друга: «Что же дальше будет?» Не сдавалась одна Юлька. Конечно, она не понимала, что происходит в стране, да и не задумывалась над этим в силу своего возраста, но девочка, как и родители, чувствовала тревогу, правда, по иному поводу: они совсем перестали видеться с Ильей, что, понятное дело, не устраивало энергичную, бескомпромиссную «невесту».

Перемены не обошли стороной и их семью. Страна стремительно нищала, и Игорь Дмитриевич, стараясь заработать хоть какие-то деньги, практически не бывал дома. Он преподавал, руководил лабораторией, набирал дополнительные часы лекций, писал статьи, брался даже за заказные разработки. Юлька его почти не видела – отец приходил, она уже спала, а уходил, она еще спала. Мама взяла несколько учеников для частных уроков помимо работы в институте, тоже загрузившись сверх меры. Так что Юлька жила самостоятельной жизнью, практически не видя родителей. Но и ее график учебы был не менее плотным – после общеобразовательной она бежала в художественную школу, в выходные преподаватели вывозили их на этюды в Подмосковье. А еще девочка увлеклась реставрацией и два раза в неделю ездила в студию при институте реставрации.

Но деятельную Юльку не устраивало, что из-за героических подвигов взрослых выжить в этих условиях хотя бы нормально, не обнищав и не сдавшись окончательно, она совсем не встречается с предметом своей любви.

Юлька стала выкраивать время и ездить к папе в институт. Первый раз, когда она там появилась, она всем мешала, путаясь под ногами и стараясь быть поближе к Илье, отвлекая его всякими вопросами и заглядывая в глаза, так она соскучилась. Отец быстренько выпроводил дочурку, но Юлька и не думала обижаться. В следующий раз она привезла с собой папку с листами и, устроившись в уголке, тихонько рисовала Илью, немного папу и других его сотрудников. Они были настолько погружены в свою работу, что часто забывали о ее присутствии, а обнаружив девочку сидящей в уголке, поражались, как это шумная и энергичная Юлька может так долго не привлекать к себе внимания.

Но и поездки в лабораторию становились все реже, а вскоре прекратились вообще. Состыковать Юлькины свободные часы (а чаще прогуливаемые из обеих школ для встречи с Ильей) с совершенно сумасшедшим графиком работы папы и Ильи стало невозможно.

Следующие три года они почти не виделись с Ильей.

И тем не менее, несмотря на все трудности, папа за это время получил звание профессора, а Илья защитил докторскую диссертацию, ну а Юлька нашла новый способ общения – девочка решила звонить по вечерам Илье по телефону.

Поначалу разговоры были непродолжительными: «Привет, как дела, а я сейчас рисую...», но постепенно Юлька стала рассказывать о своих делах, проблемах, больших и малых победах, и беседы затягивались на полчаса.

Поскольку все это происходило ближе к полуночи, потому что раньше Илья домой не возвращался, то Юлька, прячась от родителей, требовавших, чтобы в столь позднее время она уже спала, брала трубку телефона с собой в комнату, забиралась на кровать, устраивалась поудобней и названивала каждые десять минут, ожидая, когда «жених» придет домой. Но Илья выдвинул свои условия.

– Рыжик, я ужасно устаю, давай договоримся так: я прихожу домой, принимаю душ, ужинаю и, если в состоянии еще что-то говорить, звоню тебе сам. Договорились?

– Ну хорошо, – согласилась Юлька.

И он звонил, иногда только раз в неделю, но звонил же! Если трубку брал кто-то из родителей и Юлька слышала: «Илья, привет!», то неслась с громким криком: «Это мне!»

Папа с мамой переглядывались, улыбаясь и тихо радуясь, что у дочки детство еще не закончилось и она все так же по-девчоночьи влюблена в Илью. Но постепенно и эти телефонные разговоры становились все реже, а через год прекратились совсем.

Как-то незаметно основной кормилицей в семье стала мама. Она давала частные уроки, попутно вспомнила второй язык, немецкий, который изучала в институте, и начала давать еще и уроки немецкого. Мама очень не хотела бросать работу в институте, но вынуждена была сократить часы до минимума, уделяя большую часть времени частным урокам, несравнимо более денежным. Она возвращалась домой очень поздно и совершенно без сил. А в выходные ее ученики приезжали к ним домой.

Как ни старался и что только не придумывал папа, чтобы зарабатывать достойно, это было нереально в тех условиях, которые сложились в стране.

Ну не мог же он наизнанку вывернуться, ей-богу!

А науку бросить папа просто был не в силах.

Однажды Юлька случайно подслушала разговор родителей. Она бултыхалась в ванне, а они пили чай на кухне. При «замечательной» звукоизоляции наших квартир, стремящейся к идеальной, то есть беспрепятственной, Юлька слышала родителей, словно сидела рядом с ними. Сначала она не обращала внимания, что они там говорят, но, услышав возмущенный голос отца, наострила уши.

– Господи! Марина, это маразм какой-то! Я вроде не глупый человек, но не в состоянии понять, уложить в своем мозгу то, что они делают! Как можно гробить основу государства – фундаментальную науку?! Это бред какой-то! Даже при самых диктаторских режимах огромные средства вкладывались в науку! Это же козлу понятно, что уровень развития государства, его значимость в мире зависит от его научных достижений! Через год-два в стране не останется ни серьезных лабораторий, ни главных стратегических направлений, ни молодых ученых, на которых должен быть основной упор в любых разработках! Все! Все куту под хвост! Разбазариваем людей, таланты к чертовой матери! Ведь бегут хрен знает куда!

– Игорь, Игорь, ну не рви ты себе сердце! – уговаривала его мама. – Если все так плохо, может, и бог с ней, с наукой? Может, пойдешь к Ивлеву? Он тебя зовет к себе работать.

– Нет, Марин, я не могу. Да и не хочу! Я свою работу не брошу! Пусть хоть все развалится! Надеюсь, до полного дебилизма мы не дойдем и Академию наук на распустят к чертовой матери! Я не могу, понимаешь? Я только это умею и хочу делать, а если перестану, наверное, сохну сразу!

– Игорь, ну, чего ты? Чего ты вдруг так завелся?

– А, – безнадежно ответил папа. – Сегодня сообщили, что снова сократили бюджет нашей программы. Скоро мы станем из канцелярских скрепок оборудование делать, чтобы хоть что-то работало! Марин, мне же тошно, я у тебя, как иждивенец, на шее! Ты вкалываешь, как раб на плантации, а женщина не должна так работать!

– Ой, да ладно! – рассмеялась мама. – Мне моя работа нравится.

– Даже если она тебе очень нравится, это неправильно, что ты вкалываешь как каторжная и кормишь меня. Я себя уже и мужиком чувствовать перестаю!

– Ну, с этим ты поспешил! – весело ответила мама.

Они замолчали ненадолго.

«Целуются», – поняла Юлька.

– Ты знаешь, – сказал папа, – ведь самое страшное, что дальше будет только хуже.

– Что именно? – уточнила мама.

– Я не начну больше зарабатывать, хоть на голову встану, все идет к тому, что финансирование в любой научной области будет только сокращаться.

– Ну и ладно, выживем, чего уж теперь! Ты, Расков, нас пятнадцать лет кормил, холил и лелеял, может, теперь мой черед настал.

– Мне это не нравится! – ответил папа. – Ужасно не нравится!

– Игорь, – тихо и очень серьезно спросила мама, – тебе ведь необходимо заниматься своим делом, ты ведь действительно без этого жить не сможешь?

– Да, Маринка, не смогу, – вздохнул папа.

– Значит, тема закрыта. А знаешь что, я, пожалуй, уволюсь из института. Буду только частные уроки давать, у меня прибавится времени, возьму еще парочку учеников. А? Как думаешь?

– Тебе не жалко бросать институт?

– А что делать? За те копейки, которые мне там платят, даже чихать стыдно, не то что преподавать. Может, времена изменятся, вот тогда и вернусь.

– Мариночка, решай сама, а я тебя во всем поддержу! Но если ты собралась уходить, да еще учеников брать, у меня есть условия: ты должна заканчивать пораньше, чтобы не идти домой черт-те во сколько, по темным улицам, и обязательно освободить пару дней, ну, или хоть один, для себя. Бог с ними, с деньгами, всех не заработаешь, а загнуться от такой нагрузки вполне можно. Да и не голодаем же мы! Если совсем уж припрет, что-нибудь придумаем!

– Согласна! – сказала мама. – Слушай, а как Илья поживает?

– Трудно поживает, как и все мы. Крутится, как белка в колесе, подрабатывает где может, статьи за наших «халявщиков» пишет, программы левые, а куда деваться? В прошлом месяце нужно было оборудование починить, полетело, родимое, от старости. Деньги мне на ремонт обещали дать, но месяца через три, не раньше. А что это значит?! Если на нем вся работа идет, следовательно, три месяца простоя! Так Илья, ничего мне не говоря, где-то ночами грузчиком работал, принес деньги. Вот, говорит, на ремонт. Я ахнул, откуда, спрашиваю, а он смеется: подкачал мускулатуру. Боже мой! Доктор наук на научную аппаратуру подрабатывает грузчиком по ночам! Черт знает что!

– Не заводись снова, Игорь! Он молодец, нашел же выход из положения.

– Да! – возмутился папа – Но так и надорваться можно! Он же работает по двадцать часов в сутки! Не спит ночами, смеется – совмещаю, говорит, умственный и физический труд. Мускулатуру действительно, знаешь, какую накачал! Но это все мешает, отвлекает от науки – когда физические перегружаешься, не до умственных изысканий! А у него голова светлая, он очень талантлив!

– Все, все! Игорь, хватит! Об этом можно часами говорить и изводить себя ощущением бессилия! Я считаю, что ты делаешь все правильно, и очень тобой горжусь! Ты не бросаешь дело всей жизни, не предаешь ни себя, ни своих учителей и, главное, свою работу. А это важно. Ведь можно уехать за границу, податься в коммерцию, как многие твои коллеги, и оттуда рассуждать о пропащей российской науке и том беспределе, который у нас творится. Как говорится: с сытой тарелки по-барски хаять все, чем занимался, по сути предавая. А ты молодец, я тебя люблю, Расков, и уважаю!

– Щас загорюсь! – предупредил папа и рассмеялся.

Юлька выбралась из остывшей уже воды, села на край ванны и тихонько заплакала, так ей стало жалко папу, маму и Ильюшку.

После подслушанного разговора Юлька долго ходила задумчивая, присматриваясь к тому, как они живут. Она как-то не обращала внимания на быт и все родительские проблемы, занятая учебой и своими картинками. Оказалось, что сложно живут, трудно. Родителей никогда не было дома, создавалось впечатление, что они приходили только спать, работая и в выходные, как в будни. Как при такой занятости мама еще умудрялась вести все хозяйственные дела, оставалось загадкой.

Юлька ругала себя последними словами – ну как можно быть такой невнимательной? Почему она даже не задумывалась, насколько трудно приходится родителям? Но длительное самобичевание было не в ее натуре, чего винить-то себя – действовать надо!

И девочка решила, что возьмет на себя домашние дела!

Как обычно, если Юлька за что-то бралась, то вкладывала в задуманное весь свой энтузиазм и энергию. Начала она с готовки еды.

Это была еще та эпопея!

Первым приготовленным ею блюдом стал борщ. Будучи дочерью ученого, она подходила к решению проблемы с научной дотошностью. Найдя на книжной полке фолиант по кулинарии, Юлька проштудировала рецепт, выписала на листочек все нужные ингредиенты, взяла из шкастунки в родительской спальне деньги, предназначенные на хозяйство, которые всегда держали там, и отправилась в магазин.

Ее немного смутило, что для обычного борща потребовалось так много продуктов, но сие девочку не остановило – надо так надо! Следуя написанному рецепту, она достала самую большую кастрюлю и приступила к делу.

Папа обычно после работы встречал маму возле метро, чтобы та одна не ходила по темноте, и они возвращались домой вдвоем. В тот вечер пришедшие в десять часов родители застали картину активной деятельности дочери во всей, как говорится, красе неопиcуемой!

Да уж, готовка затянулась, чего Юлька никак не ожидала. Но это-то ладно!

– Ух ты! Какие запахи! – восхитился папа с порога, когда они с мамой вошли в квартиру.

– Юля, мы дома! – крикнула мама и спросила, тоже уловив запах еды: – Что, бабушка приходила?

– Не-ет! – раздался непонятный голос дочери из кухни.

– Что это с ней? – спросил папа, помогая маме снять пальто.

Родители зашли в кухню и замерли на пороге...

На плите стояла огромная кастрюля, плита же представляла собой странное зрелище, похожее на сюрреалистическую картину: вся ее поверхность была засыпана мелко нарезанными овощами – капуста, морковь, свекла и немного лука, – сверху этот «салат» был залит местами томатной пастой. Все имеющиеся горизонтальные поверхности в кухне, в том числе и холодильник, были заставлены грязными кастрюлями, сковородками и тарелками. В раковине стояла кастрюля, сверху которой красовался дуршлаг, застеленный марлей, через которую, видимо, процеживали что-то, из-под него торчали ручки двух разделочных досок. Не попавшим на плиту «салатом» был «припорошен» кухонный пол, для полноты картины тоже получивший красные брызги томатной пасты.

Посередине кухни, на табурете, поставив ноги на перекладину, сидела любимая дочь, на коленях у нее лежала раскрытая здоровенная кулинарная книга.

Дочь плакала, не горько, а скорее обиженно.

– Впечатляе-е-ет! – присвистнул папа, обозрев кухню.

– Юлечка, что случилось? – спросила мама с порога.

– Я готовила-а борщ, – ответила обиженно та, вытирая слезы. – Я хотела-а помочь, вы так много ра-ботааете, вот я и ре-ешила, что стану готовить на всех! Это был сюрпри-из!

– Ну, сюрприз-то как раз удался! – усмехнулся папа.

– Так что ты плачешь, солнышко? – поспешила обнять рыдающую дочурку мама.

Она обняла Юльку, расцеловала в щеки и вытерла ей слезы.

– Я не знала, что придется так долго готовить, и для этого столько много всего надо!

– Ну, ничего, – успокаивала мама. – Это же первый раз, все приходит с опытом.

Папа прошел к плите, старательно обходя по дороге красные пятна томатной пасты на полу, поднял крышку с кастрюли и понюхал содержимое.

– Пахнет замечательно!

– А еще! – заревела громче Юлька. – Я только потом прочитала-а, там, в конце, написано-о, совсем мелким шрифтом, что рецепт рассчитан на двенадцать челове-е-к!

И Юлька уткнулась маме в плечо, орошая слезами ее кофту.

– Ну, что же ты плачешь, милая! – рассмеялась мама. – На двенадцать так на двенадцать! Будем есть всю неделю! Это же ты готовила! – Она погладила Юльку по голове, снова вытерла ей слезы и на всякий случай поинтересовалась: – Он хоть съедобный?

– Не знаю-ю! Я не пробовала-а! – не могла остановить слезы обиды Юлька.

Но, невзирая на сопутствующие приготовлению разрушения, борщ получился! И был очень, очень вкусный!

После того как, закатав рукава, они втроем вымыли кухню и сели за стол, папа торжественно разлил по тарелкам первый кулинарный шедевр дочери, призвав:

– Вкушать с особым осознанием, ребенок старался!

И первым геройски попробовал.

– Юлька! Вкуснотища! – обрадовался он.

Мама с Юлькой, до этого момента внимательно и весьма настороженно смотревшие на него в ожидании вердикта, поспешили присоединиться к трапезе.

Они съели все по добавке, а потом долго сидели за столом, разговаривали и смеялись. Подбодренная и успокоенная, сытая и вполне собой довольная «кухарка» рассказывала и в лицах изображала, как ходила за покупками. Каждой из продавщиц, у которой она брала продукты, простая Юлька объясняла, что собирается готовить борщ, и никак не могла понять, почему женщины вздыхают и жалостливо на нее смотрят, а одна спросила: «Семья большая?» – жалостливо-сочувственно.

– Обычная, – ответила Юлька.

Родители громко смеялись, а когда вспомнили, какую картину разрушения застали, придя домой, то хохотали уже все втроем до слез.

Юлька быстро научилась готовить, обходясь без таких глобальных разрушений, как первый раз. За этим последовали другие домашние дела. Юлька настояла на покупке стиральной машины, заявив родителям в ультимативной форме:

– Нам немедленно нужна стиральная машина!

– Юля, она стоит бешеных денег! – ответила мама.

– Ничего! Нам с тобой некогда. Да и это прошлый век какой-то – стирать руками! Вы давайте, откладываете деньги, потерпим. Будем макароны есть, хлеб с водой!

– Это ты перегнула! – возразил папа.

– Если надо, то и хлеб с водой, но машинка нужна! – решительно отвергла любое сопротивление Юлька.

Крайние меры не понадобились, обошлись как-то без вынужденной диеты, и через три месяца машинку купили.

Постепенно Юлька с присущей ей решительностью взяла на себя все домашнее хозяйство, приобретая попутно командирские замашки и голос. Если раньше в доме только папа искал вещи, крича на всю квартиру: «Марина! Где моя синяя рубашка?» – вместо рубашки можно вставить любую вещь, которая ему требовалась в данный момент и которую без мамы он никак не мог найти, даже если та лежала прямо перед ним, – то теперь и мама, и папа по всем бытовым вопросам апеллировали к дочери:

– Юля, где моя юбка?

– Юлька, где мой пиджак?

– Юль, что купить из продуктов?

– Дочь, мне надо постирать свитер, я его чем-то заляпал.

И так далее по списку обычных бытовых будней. Юлька, почувствовав свою сверхзначимость, иногда позволяла себе «поругать» родителями, правда, редко, особенно ей разгуляться

не давали. Из всех домашних дел больше всего она не любила мыть посуду и гладить, эти две задачи мама и папа распределили между собой.

Юлькина помощь оказалась столь своевременна и бесценна! Мама стала намного лучше выглядеть, исчезли круги под глазами от вечного недосыпа и перегрузок, перестали болеть ноги. Она даже как-то помолодела. А папа стал меньше терзаться мыслями о маме, не нарадуясь на сознательную дочь.

Быструю, деятельную Юльку домашние хлопоты особенно не напрягали и не нагружали. Энергии в ней было на троих, поэтому она успевала справляться со всеми делами и со своей учебой.

А вот с Ильей дела обстояли плохо, вернее, не с ним самим, а с их общением. Не было этого общения, и все! Они очень редко разговаривали по телефону, новости о его жизни Юлька узнавала у папы, и они не виделись почти год. Год! Ужас!

Встретились они на Юлькином дне рождения. Ей исполнилось шестнадцать лет.

Юлька позвонила ему, пригласила на торжество и заставила поклясться, что он придет.

– Конечно, Рыжик, обязательно! – пообещал Илья.

За последний год Юлька сильно изменилась. Она выросла, оформилась и превратилась из нескладного подростка в очаровательную девушку. Тоненькая фигурка, высокая красивая грудь, черты лица так и остались самые обыкновенные, красавицей не назовешь, но рыжие волосы, вспыхивающие на свету разными оттенками, от осенних тонов до огненных всполохов, белая кожа и голубые глазки делали ее облик неординарным, запоминающимся, это уж точно!

При такой яркой внешности Юлька могла позволить себе любые цветовые сочетания в одежде – рыжим все прощалось!

Но на свой день рождения она отказалась от цветных одежд. В ожидании самого главного гостя, ради которого все и затевалось, если уж честно, Юлька серьезно подготовилась к торжеству, поставив родителей в известность о своем наряде.

– Мама, пап, – заявила Юлька, войдя поздно вечером к ним в спальню. – Я решила, что буду в маленьком черном платье, которое рекомендовала иметь в своем гардеробе всем женщинам Коко Шанель!

– Не рановато? – спросил папа.

– Нет, в самый раз! – решительно отвергла возражения она.

– Юль, ты предупреждаешь для профилактики, чтобы нас инфаркт не хватил, когда мы увидим тебя в новом наряде? – поинтересовалась шутливо мама.

– И для того тоже, а заодно хочу попросить денег на эту красоту и на туфли к ней.

– Да пожалуйста! – сказала мама. – С тобой-то надо пойти, посмотреть, что ты там выбрала?

– А ты можешь?

– На неделе нет, только в воскресенье, – вздохнула мама.

– Тогда я сама.

– Бог в помощь! – благословил папа. – Мы твоему вкусу доверяем.

Ох, знал бы он, на что неосмотрительно подписывается!

Последствия своего опрометчивого разрешения и доверия родители обнаружили непосредственно в торжественный день, когда менять что-то оказалось уже поздно!

С утра Юлька сходила в парикмахерскую, где ей уложили волосы в красивую прическу в ее любимом греческом стиле, которая шла ей необычайно. Пользуясь руководством женского журнала, она сделала себе легкий, но очень эффектный макияж.

Празднование наметили на воскресенье, поэтому родители взяли на себя все хлопоты по накрытию праздничного стола.

– Дочь, пойди переоденься, сейчас уже гости придут, – напомнила ей мама, расставляя тарелки на столе.

Юлька надела платье, дорожные колготы с блестящим эффектом, купленные специально к новому наряду, туфли, тоже новые, и выплыла торжественно к родителям.

– О господи! – только и смогла выговорить мама, схватившись за сердце.

– Что случилось? – испугался папа, поспешив на возглас жены.

Он вошел в комнату, неся в руках блюдо с нарезкой, и замер, не дойдя до стола, уставившись на дочь.

– Та-ак! – протянул он и, помолчав несколько секунд, повторил: – Та-ак!

Расставив руки в стороны, Юлька медленно поворачивалась, демонстрируя себя со всех сторон. Платье из эластичной ткани обтягивало ее как вторая кожа, длинные рукава непонятным образом держались на плечах, переходя на груди в глубокое декольте и... вырез на спине до талии, кончался этот кусочек ткани на середине бедер. Картину дополняли черные туфли «лодочки» на каблучке сантиметров десяти.

– Юль, а ты платье надеть не забыла? – поинтересовался ошарашенный папа – Или юбку к этому трико?

– Юлька, что это такое? – прошептала мама.

– Ясно! Красоту не оценили! – возмутилась Юлька. – Поясняю для деревни: это платье! То самое торжественное платье!

– Для платья, тем более торжественного, в нем метра три ткани не хватает, – ответил папа, придя в себя и наконец поставив блюдо на стол.

– Ну, вы что?! – обиделась Юлька. – Разве не красиво?

– Красиво! – согласилась мама. – Только слишком взросло, неожиданно и дерзко! Почти на грани пошлости.

– Ну что вы мне праздник портите! – чуть не расплакалась Юлька, расстроившись.

– Юлечка, просто мы не ожидали! – постаралась успокоить дочку мама. – Ты вдруг оказалась такой взрослой, красавица! А мы все думаем, что ты ребенок.

Папа подошел к Юльке, обнял, поцеловал в щеку любимую дочурку и прижал к своему боку.

– Да уж, для моих нервов это перебор! Ты совсем взрослая и очень красивая!

– Мам, – примиряясь с родителями, произнесла Юлька, – насколько на грани пошлости?

– Далеко, далеко до нее! – успокоила мама и тоже обняла дочь.

Они постояли втроем, обнявшись, и папа спросил:

– Может, побудешь еще маленькой, а?

– А как же любовь-морковь, поцелуй? – спросила Юлька.

– О господи, еще и это! – испугался папа. – Давай поступательно, Юль, дай пережить отцу шок с переодеванием.

– Ладно! – рассмеялась она.

Раздался звонок в дверь, начали прибывать гости. На удивление, бабушки и дедушки весьма спокойно восприняли внучкино преображение во взрослую девушку, не в пример родителям заценили и даже похвалили не без гордости.

Юлька неслась к дверям на каждый звонок, надеясь увидеть Илью, и всякий раз не могла скрыть разочарование, когда оказывалось, что это не он. Мама пригласила всех за стол:

– Один гость запаздывает. Но мы его ждать не будем.

Произнесли первый тост, чокнулись шампанским, но Юлька мрачнела с каждой минутой. Да где же он?!

В дверь позвонили.

Громко отодвинув стул, Юлька вскочила и побежала в коридор. Она подождала пару секунд, перевела дыхание и неторопливо распахнула дверь.

С огромным букетом белых роз в одной руке и пакетом, из которого торчало горлышко шампанского, в другой на пороге стоял Илья и широко улыбался.

Увидев Юльку, Илья не смог ничего произнести, улыбка медленно сошла с его лица. Несколько мгновений он потрясенным взглядом рассматривал ее с головы до ног и обратно. Юлька же наслаждалась произведенным в полной, пожалуй, даже переполненной, мере эффектом. Наконец Илья спросил с сомнением:

– О господи, Рыжик, это ты?

– Это я, Ильюша! – рассмеялась Юлька и, ухватив его за руку, державшую букет, втащила Илью в прихожую. – А цветочки, я так полагаю, мне?

– Конечно, – не придя в себя от увиденного, ответил Илья. – Тебя не узнать! Совсем барышня и очень красивая!

– А поцеловать именинницу! – напомнила она и подставила щечку.

Илья быстро чмокнул ее и отстранился.

– Давай я цветочки поставлю, – сказала Юлька, вовсю кокетничая с ним.

– Ах да! Поздравляю тебя, Рыжик!

– Проходи скорее, уже все за столом, – играла Юлька новую роль.

И пошла по коридору, демонстрируя длинные ноги и голую спину. И шла она, как плыла, легкой пружинистой походкой.

Чтобы так продефилировать, Юлька тренировалась несколько дней. Она именно так все задумала! И то, как Илья, увидев ее, обалдеет от ее красоты и взрослости, и то, как она пойдет от него этой походочкой, демонстрируя свое неземное очарование! И платье, и туфли, прическа, макияж, даже колготы – все это было задумано ею именно и только для него. Чтобы он увидел и понял, что Юлька уже взрослая, а не сопливая девчонка и ее можно любить всерьез!

И сработало, сработало!

Входя в свою комнату, Юлька быстро глянула на Илью. Каким взглядом он ее провожал! Не тем, которого она ожидала, – влюбленным, восхищенным, – скорее наоборот, Илья смотрел как-то сурово, но ведь смотрел! Юлька быстро захлопнула дверь в комнату, скинула туфли и, прыгая от счастья, пропищала, зажав рот, чтобы не услышали:

– И-и-и!!!

Получилось, получилось!

– Ура! – сказала шепотом Юлька напоследок.

Быстро надев туфли, схватила вазу и пошла в кухню, поставить цветы.

Но, к великому сожалению и разочарованию Юльки, Илья пробыл совсем недолго. Где-то через час он извинился, объяснив, что у него сегодня еще какая-то работа, встал из-за стола. Юлька пошла его проводить. Ей сразу стало все неинтересно: платье, туфли и этот дурацкий день рождения.

Ну почему, почему он уходит? Она ведь так ждала!

– Ну почему ты уходишь? – спросила обиженно Юлька.

– Рыженький, у меня работа. Извини, пожалуйста, – ответил Илья, надевая плащ.

– Это несправедливо! – ныла Юлька. – Мы не виделись год, а ты пришел всего на час!

Илья достал из кармана пиджака маленькую бархатную коробочку и протянул ей.

– Поздравляю тебя, Юлечка, еще раз! Это очень важная дата – шестнадцать лет.

Он притянул ее к себе, обнял и поцеловал в макушку, как в детстве.

– Ты стала сногшибательной девушкой! Помнишь, я обещал когда-то, что ты будешь красавицей? Вот ты ею и стала.

Он вздохнул, отодвинул от себя Юльку, посмотрел на нее внимательно, поцеловал в лоб и ушел.

А Юлька заплакала.

Она прошла к себе в комнату, скинула туфли, залезла с ногами на кровать и, вытирая слезы, открыла коробочку.

Там лежала тонкая золотая цепочка с кулончиком в виде сердечка из бирюзы, окаймленного золотым ободком. Очень нежное девичье украшение, бирюза была голубой, того же цвета, как ее глаза. Юлька перестала плакать, надела цепочку, погладила ладонью сердечко и решительно сказала себе:

– Он ведь не просто так мне его подарил? Значит, мы еще будем встречаться! И часто-часто!

Она вытерла слезы, встала с кровати, поправила макияж у зеркала, надела туфли и пошла к гостям праздновать дальше свое шестнадцатилетие и начало новой, взрослой жизни.

Юля поставила на стол пустую, остывшую чашку, погладила бирюзовое сердечко, которое никогда не снимала с того далекого дня рождения, и тихо произнесла, глядя в окно:

– И она не замедлила начаться первым самым большим, горьким разочарованием.

Ну, тогда-то ей казалось, что это катастрофа! Горе, конец всей жизни!

Через полгода после ее дня рождения Илья женился.

Когда папа за семейным ужином сообщил новость, Юлька замерла от ужаса.

– Как женится? – прохрипела она сразу севшим голосом. – Этого не может быть!

– Почему не может? – не понял папа. – Давно пора, ему уже тридцать один годок, сколько можно в холостяках ходить?

– Ну что ты, доченька? – спросила мама, погладив ее по руке. – Папа прав. Илье давно пора жениться. Что ты расстроилась, неужели твоя детская влюбленность не прошла?

– Это не детская влюбленность! – крикнула Юлька и, вскочив со стула, выбежала из кухни.

Два дня она была сама не своя: молча ходила по комнате из угла в угол, сосредоточенно о чем-то размышляя и отказываясь обсуждать с родителями свои переживания.

– Я сейчас не могу об этом говорить, мне надо подумать! – отвечала она на их попытки разговорить дочь.

Ничего она тогда не надумала, только чувствовала жгучую обиду и несправедливость. Как же так? А я? Как же я?

Юлька забросила домашние дела, не в состоянии отвлечься от своих переживаний, лишь часами рисовала картину за картиной, все больше в красных тонах.

В день бракосочетания Ильи, на которое, конечно же, пригласили Расковых, Юлька встала перед зеркалом и сказала, глядя на собственное отражение:

– Я справлюсь! И потом, у меня целых полтора года впереди, может, к тому времени он разведется!

В таком боевом настроении она отправилась с родителями в ЗАГС.

Невеста Ильи Юльке не понравилась, кто бы сомневался! Ее звали Лена, высокая, стройная, если честно, красивая... и беременная, что было заметно даже в подвенечном платье, скроенном так, чтобы скрыть данное обстоятельство.

Вот это Юльку доконало!

Когда она поняла, что у Ильи скоро появится ребенок и он совершенно окончательно и безнадежно женится, Юлька почувствовала такое горе! У нее что-то сжалось в груди и стало так больно, что она никак не могла вдохнуть. Юлька не помнила, как прошла регистрация брака, не помнила дорогу в ресторан, где отмечалось торжество. Сквозь пелену наворачнувшихся слез она вообще ничего не видела, занятая только тем, чтобы не разрыдаться.

Вот уж дудки! Ей не одиннадцать лет, и плакать она не будет!

Она не подошла к молодоженам, чтобы поздравить, наоборот, старалась держаться как можно дальше и вообще не смотреть в их сторону. Потом Юлька отвела в сторону папу и попросила денег на такси, чтобы уехать домой.

Он перепугался не на шутку, увидев выражение ее лица.

- Юлечка, ты заболела, тебе плохо?
- Плохо, – призналась она.
- Тогда мы сейчас все вместе поедem домой!
- Нет, не надо! – испугалась Юлька, ей хотелось побыть одной. – Я сама доеду и спать лягу.

- Игорь, что у вас случилось? – подошла к ним мама.
- Юлька плохо себя чувствует.
- Юлечка, что у тебя болит? – забеспокоилась мама и потрогала лоб дочери.
- Я просто хочу домой! – сдерживаясь из последних сил, произнесла она.
- Идем, – сказал папа. – Я посажу тебя в такси.
- Я сама, вы идите за стол, уже тосты произносят.
- Ну ладно, – сдался папа.

Проходя вдоль длинного свадебного стола, Юлька вдруг притормозила, подумала секунду, цапнула бутылку шампанского и, сопровождаемая изумленными взглядами сидевших гостей, из-под носа которых увела выпивон, вышла из зала.

- Вот возьму и напьюсь, назло всем! – сказала она гардеробщику.
- Ну, ну, – ответил дедок, передавая ей куртку.

Юлька расплакалась в такси, и плакала так горько, отчаянно, что водитель, посматривающий на пассажирку в зеркало заднего обзора, не выдержал и спросил:

- Девушка, что у вас случилось? Может, помощь нужна?
- Нечем мне помочь! – пожаловалась Юлька.

Она влетела в квартиру, захлопнула с размаху дверь и, сев на пол, зарыдала, уже не сдерживаясь. Пережив первый приступ самых горьких, самых отчаянных слез, Юлька поднялась и пошла в кухню открывать шампанское.

Как надо его открывать, она не знала, потому что раньше только наблюдала, как делают это другие. Громко хлопнув, пробка выскочила из пальцев и, ударив в потолок, улетела куда-то за холодильник, пена с шипением вырвалась из бутылки, заливая стол и стекая на пол. Юлька посмотрела бутылку на свет – осталось больше половины.

Впрочем, ей хватило. Можно сказать, с лихвой!

Не обращая внимания на растекающуюся лужу, она взяла бокал и пошла в свою комнату, включила все освещение – люстру, торшер и бра над кроватью, – достала из стола заветную папку, в которую складывала портреты Ильи, нарисованные с натуры или по памяти, расставила и разложила их на столе и на полу.

Затем налила в бокал шампанское до краев, специально ожидая, когда опустится первая шапка пены, чтобы налить полный-полный бокал. Удовлетворившись результатом, Юлька подняла вверх бокал и произнесла тост, обращаясь к смотревшему на нее со всех рисунков Илье:

– Поздравляю тебя с женитьбой, а себя со смертью всех моих надежд!

И выпила залпом!

Оказалось, что пить шампанское залпом – это экстремальный вид особого спорта! Она чуть не задохнулась, даваясь пузырьками, норовившими вернуться на исходную позицию – в бокал – вместе с жидкостью, их образовавшей.

Но Юлька стойчески, упорно выпила. Икнула. И налила еще.

Она села на стул и, потягивая теперь уже не торопясь шампанское, принялась рассказывать нарисованному Илье, как она его любит... и как он ее предал.

Юлька не запомнила, что тогда говорила его изображению, она сразу опьянела и болтала без остановки, запивая шампанским текущие по лицу слезы, все время попадавшие на губы, отчего вкус у него становился солено-сладким.

Вот странное дело, ни одного слова из того своего монолога она не помнила, а этот солено-сладкий вкус запомнила на всю жизнь.

Родители, встревоженные Юлькиным непонятным недомоганием, ушли пораньше из ресторана, чтобы проверить, как дочка себя чувствует и все ли с ней в порядке.

Проверили! Мама и папа нашли Юльку в ужасном состоянии.

От переживаний и рыданий она сразу и тяжело опьянела от двух бокалов шампанского. Никогда до этого не пившей Юльке казалось, что она умирает. Нет, она, конечно, не была пай-девочкой, пробовала шампанское и раньше, и вино. Но только пробовала! Несколько глотков под бдительным оком родителей, ну, с друзьями тайком в школьном дворе, но это были только глотки, чтобы понять вкус. А так, чтобы залпом да целых два бокала шипучего напитка, и на голодный желудок!

Папа с мамой бросились спасать неразумное дитя.

Для начала ее требовалось раздеть, потому что она не потрудилась снять даже обувь. Юлька отталкивала их руки, стонала, плакала, жаловалась на что-то.

– Боже мой, Игорь! – плакала мама вместе с дочкой, стягивая с нее юбку и колготки. – Мы с тобой идиоты! Зачем мы потащили ее на эту свадьбу?!

– Давай это потом обсудим, сейчас надо привести Юльку в чувство и уложить спать!

– Господи, ну кто же мог знать, что у нее все так серьезно! – не могла остановиться мама.

– Марин, потом все переживания!

Папа сделал горячий, очень крепкий и сладкий чай и, не обращая внимания на пьяные Юлькины возражения, влил в нее целебный для такого состояния напиток. Потом отнес ее на руках в ванную и держал, пока мама поливала голову дочери из душа чуть теплой водой. После чего тело транспортировали на кухню и усадили на стул.

У протрезвевшей на пару градусов от родительских стараний Юльки полярно поменялось настроение, став бесшабашно веселым.

– О, родители, это вы, привет! – обрадовалось дитя, обнаружив папу с мамой.

– Ну что, процесс отрезвления пошел! – усмехнулся папа. – Ребенок заметил родителей!

– Игорь! – попеняла мама и обеспокоенно спросила: – Юлечка, тебе лучше?

– Да мне хорошо! Что вы переживаете? – пьяно-бодрым голосом проговорила Юлька. – Все нормально! Найду себе ровесн... ровесн... в общем, молодого и влюблюсь! И к черту этого Илью!

– Конечно, найдешь, конечно, влюбишься, – соглашалась мама, вытирая ей полотенцем волосы.

Папа держал сидящую на стуле дочку за плечи, чтобы не свалилась.

– И пусть живет со своей Леночкой! И на здоровье! – шумела она.

– Игорь, надо еще чаю! – обратилась мама к отцу поверх Юлькиной головы.

Папа кивнул, соглашаясь, отпустил дочкины плечи и шагнул к плите. Юлька стала заваливаться набок.

– Стоп, стоп! – подхватила дочь мама.

– А я, мамочка, – продолжила рассуждения Юлька, – буду жить с ров... – вспомнив, что не справилась с этим словом, она махнула рукой, – с молодым! А Илья станет сморщенный весь и ста-а-аренький!

И скорчив рожицу, Юлька показала руками, каким стареньким он станет.

– Вот и хорошо, вот и правильно, – согласилась с ней мама, как с тяжелобольной.

Папа присел перед Юлькой на корточки и стал поить дочку новой порцией чая. Она покорно сделала несколько глотков, но отодвинула от себя папины руки, державшие кружку, почувствовав, что все силы у нее закончились.

– Только сначала мне надо его разлюбить, – тяжело вздохнула Юлька.

И уснула. В одно мгновение.

Много лет спустя мама рассказала ей, как они тогда долго сидели с отцом рядом со спящей Юлькой, рассматривали портреты Ильи и разговаривали шепотом.

– Что ты об этом думаешь? – спросила мама.

– Об этом? – папа протянул ей один из портретов. – Только то, что наша дочь очень талантлива, она так точно уловила все мелочи и выбрала ракурс.

– Ну, о ее способностях мы давно знаем, я спрашиваю о сегодняшней истерике.

– Это была не истерика, Мариш, – вздохнул папа, – она оплакивала свою любовь.

– Как мы с тобой просмотрели? Почему не поняли, что она любит его по-настоящему, сильно?

– Наверное, потому, что не хотим признать, что наша дочь уже выросла. Нам все казалось, что Юлька маленькая и эта ее восторженная влюбленность пройдет сама собой. Как у всех девочек.

– Как думаешь, она справится?

– В этом я не сомневаюсь. Вопрос только в том, что она решит для себя, сможет ли разлюбить его и как много времени ей на это понадобится, и получится ли обратить внимание на другого.

– Ох, Игорь! Она такая бескомпромиссная, эмоциональная и, как выяснилось, страстная. Если любит, так уж любит, а если нет, то все, бесполезно надеяться. Я так боюсь, она может запросто сломать себе жизнь с этой дурацкой безответной любовью!

– Да ладно, не драматизируй раньше времени! Ей только шестнадцать лет. Еще сто раз влюбится и разлюбит!

– Дай-то бог! – вздохнула мама. – Игорь, а Илья догадывается, что она так его любит?

– Нет, конечно. Он Юльку любит как дочку, как сестренку и не подозревает о ее страстях. И это к лучшему, а то, если б знал, начал бы оберегать, жалеть, стал бы более внимательным к ней. У Юльки появился бы повод для надежды.

– Может, ты и прав, – с сомнением сказала мама. – Но, наверное, лучше бы было ему сказать, чтоб они не виделись и по телефону не разговаривали больше. С глаз долой, как известно...

– Да они и так почти не видятся и не разговаривают, а сейчас тем более, у него семья, скоро ребенок будет. Все у Юльки пройдет, вот увидишь, наша дочь перерастет эти страсти-мордасти. Ей скоро не до того будет, поступит в институт, а там студенческая жизнь, новая компания, новые знакомства. И про Илью даже вспоминать перестанет.

Мама с нежностью посмотрела на спящую дочку и усмехнулась:

– Да, сегодня Юлька была «хороша»! Как она показывала, каким стареньким Илья станет! Родители тихонько рассмеялись, чтобы не потревожить сон нерадивого дитяти.

– Идем, – сказал папа, – пусть спит. Завтра девочка поболееет с похмелья.

– Зато теперь узнает, какими бывают последствия.

Да уж! Последствия не замедлили проявиться!

Юльке было так плохо поутру, когда она проснулась, как не было никогда, даже в том дурацком пионерском лагере в Крыму!

Папа с мамой лечили дочурку всякими народными средствами от трудной национальной болезни под названием «похмелье», или в просторечии – отходняк. Юлька стонала, каялась, обещала, что больше никогда в жизни...

Но день, вынужденно проведенный в постели по причине отсутствия сил, головной боли, позывов к рвоте, оказался неожиданно продуктивным: она приняла важное решение и одну рабочую установку. Юлька решила жить дальше, забыв про Илью, и дала себе месяц времени на то, чтобы разлюбить его.

Юля усмехнулась. Встала с кресла, взяла кружку со стола и пошла на кухню. Раз уж выдался свободный от работы день – не рисовалось ей под нахлынувшие воспоминания, – а вот приготовить что-либо вполне можно, не мешая мыслям течь так, как им хочется. Она уже

давно не готовила кулинарных шедевров, перебиваясь чем-нибудь простецким. Кирилл обожал и очень ценил Юлины фирменные блюда, которых у нее имелось множество, но на это очень часто не хватало времени.

Она решила вдруг его сегодня побаловать.

ИЛЬЯ

Поняв, что третий раз перечитывает один и тот же документ и не улавливает ни фига информации, Илья бросил листы на стол и откинулся в кресле. Он обвел взглядом кабинет и вдруг почувствовал, что если прямо сейчас не уйдет отсюда, то взорвется.

Раздражение на работу, на партнеров, на бесконечные встречи, переговоры и рутину бизнеса нарастало в нем как снежный ком. Илье так все осточертело! Он как-то держался, стараясь сосредоточиться, взять себя в руки, откровенно недоумевая, откуда взялось это настроение.

«Ничего не хочу! Обрыдло! – подумал Илья. – Да что же это такое?! С чего бы это?»

За последние недели он потерял интерес ко всему, наверное, и к самой жизни, и как бы ни возмущался сейчас, обманывая себя, Илья знал, когда и почему это началось.

Ну конечно, знал!

– Ладно! – решительно заявил он самому себе и хлопнул ладонями по столу. – Раз пошла такая песня...

Резко поднялся, собрал документы со стола, некоторые положил в портфель, остальные сунул в сейф, надел пальто, взял портфель и вышел в приемную.

– Оля, – требовательно обратился он к молоденькой секретарше, – отмените все встречи на сегодня. Меня ни для кого нет!

– Илья Андреевич! – перепугалась секретарша. – У вас сегодня встреча в министерстве!

«Да пошло оно!» – подумал с раздражением Илья, но решил секретаршу не пугать своими настроениями.

– Найди Колобова, пусть он съездит! А лучше пусть договорится перенести встречу.

– Вас по мобильному искать?

– Нет, меня никак не искать!

– Но как же?... – лепетала все-таки перепугавшаяся Оля.

«А никак!» – мысленно ответил ей Илья, выходя из приемной.

Очутившись в квартире, Илья бросил на столик в прихожей портфель, снял ботинки, пальто и пошел в кухню, по дороге стянув с себя пиджак, галстук и не глядя кинув их на стул. Достал из холодильника бутылку минеральной воды, сделал несколько больших глотков прямо из горлышка и, посмотрев в окно, спросил у себя, а может, у кого-то еще:

– Чего ж так хреново-то, а?

Да знал он чего! Знал!

И от этого ему становилось совсем мутно на душе.

Юлька! Маленький замечательный Рыжик!

Илья поставил бутылку с водой на стол, прошел в гостиную, лег на диван и посмотрел в потолок. Он подумал, что уже много лет, когда вспоминает о ней, чувствует себя виноватым. Это чувство стало привычным, неизменным, похожим на застарелую хроническую неизлечимую болезнь. Вот не должен человек жить с постоянным ощущением вины! У нас сильнейший инстинкт самосохранения, который притупляет, а потом и вовсе выключает это чувство, заменяя его сначала робкими попытками самооправдания, постепенно насыщая оправдание аргументами и уверенностью в своей правоте и победным аккордом уничтожая в уме остатки любого обвинения себя. Длительное чувство самообвинения разрушительно для психики, и любой человек рано или поздно найдет себе оправдание, чтобы не сойти с ума.

Только вот у Ильи не получалось оправдать себя.

Он вспомнил, как увидел ее первый раз.

Она смотрела на него, замерев, как под гипнозом, расширившимися от восторга голубыми глазищами. С остановившейся на полдороге ко рту ложки в ее руке капли падали назад в тарелку, обдавая Юлькину футболку брызгами.

Илья влюбился в эту девочку сразу, как в родную младшую сестренку, как влюбляемся мы в маленьких детей по необъяснимым нам причинам, совпадая с ними в чем-то подсознательно.

Какая же она тогда была очаровательная! Маленький рыжий чертенок, ни минуты не сидевший на месте, живая, как ртуть. Умненькая, быстрая, веселая, с целым ворохом идей и планов, заражавшая энергией и энтузиазмом всех вокруг и втягивавшая их в свои проделки и выдумки!

Юлька как огонь – везде и много! Ее рыжая шевелюра выстреливала то там, то здесь в пространстве с невероятной скоростью, сопровождая свое перемещение громкими возгласами. Иногда казалось, что Юлька находится в нескольких местах одновременно.

Маленькая, тоненькая, со сбитыми коленками и локтями, с постоянно облезающим носом, мгновенно сгоравшим на солнце, с огромными голубыми глазами, всегда восторженно сиявшими, находившаяся в вечном процессе реализации своих идей, пребывая от всего, что окружало ее, в чувстве «пре» – превосходно, прекрасно, преинтересно, прездорово и так далее.

Родной, чудный, замечательный Рыжик. И она была влюблена в него! Уж точно не как в брата.

Юлька, Юлька!

Господи, какое же это было лето! Он точно знал, что больше никогда в его жизни не случилось такого потрясающего, искрящегося радостью лета!

Илье было двадцать пять, кандидат наук, и занимался он тем, что нравилось ему до восторженного щемления в груди, аж дух порой захватывало! А впереди ждало все только лучшее! Он знал это, чувствовал и жил с глубоким убеждением, что впереди много долгих интересных лет, наполненных радостью побед, открытий, неслучайных прорывов в науке. А как же! Они занимались с Игорем Дмитриевичем новым и весьма перспективным направлением и уже добились интересных, неожиданных результатов.

Господи, какое же это было замечательное ощущение – спокойная уверенность в будущем, в себе, в своих силах и возможностях!

Тебе двадцать пять, ты уже чего-то достиг и точно знаешь, что достигнешь еще очень многого, и втайне ото всех гордишься собой, внешне скромничая и небрежно отмахиваясь от похвалы, а впереди звонкое, радостное – и успехи, и звания, и материальная стабильность!

Он до сих пор помнил то состояние души, и воспоминания о том лете были раскрашены для него в яркие цвета, сопровождаемые веселыми голосами, смехом, солнцем. И тугой комок возникал в груди, вызывая боль и сожаление. Сожаление об утраченном, о чем-то, что навсегда, безвозвратно потеряно.

Илья сел на диване, потер лицо, изгоняя тоскливые мысли.

«Чаю, что ли, выпить или чего покрепче?» – подумал отстраненно. Он заставил себя встать с дивана и не спеша пошел в кухню.

– Коньяку, что ли, хлопнуть?

«Ну, коньяку так коньяку – все равно не поможет».

Илья достал из бара бутылку, плеснул немного в бокал, стоявший там же, взял его в руку и подошел к окну, рассматривая улицу.

Он сам все испортил на следующее лето.

Зачем, какого черта он приволок на дачу Ингу?! И почему именно ее?

Илья уже миллион раз задавал себе эти вопросы и не знал на них ответов.

Почему Ингу? Наверное, потому что встречался в тот момент именно с ней и был увлечен, и секс с ней оказался весьма хорош. Даже очень! Девушка Инга отличалась отсутствием комплексов и довольно «крутыми» родителями, хотя в те времена это называлось как-то по-

другому. Они буйствовали в постели, Илье в ней многое нравилось, в тот момент он находился в состоянии, когда мужчина еще не все познал в новой подруге и с увлечением занимается открытиями. Будучи влюблен (немного, не до умопомрачения, конечно), заинтригован, с энтузиазмом познавая постельные радости с новой подругой.

Почему? Почему он не привез к Расковым Катерину, например, с которой встречался до Инги? Катка молодец, она умела найти общий язык со всеми и наверняка подружилась бы с Юлькой, стала бы принимать активное участие во всех ее начинаниях, спектаклях, она и сама еще была восторженной, как девчонка, в свои двадцать два года.

Но к Катке Илье уже остыл в то время и легко расстался с ней.

Он же далеко не дурак и видел все пассы и ходы Инги, но ему было пофиг – жениться он на ней не собирался, ни на ком не собирался в то время, упаси господь! Видел и расщелкивал все ее матримониальные планы, посмеиваясь про себя. Девочка сделала на него ставку.

А то!

Молодой ученый с большим блестящим будущим (об этом говорили все, кого она спрашивала из его окружения) – то, что надо для стабильной, сытой, благополучной жизни.

Барышня оказалась неглупой, события не форсировала и начала атаку с постели, стараясь так привязать Илью к себе, чтобы он и не помыслил от нее сбежать.

Ой, да все понятно и ясно! Он подыгрывал, ничего не обещал, как водится, и получал кайф от телесных утех. А почему нет? Нормальное, иногда сволочное, но ведь нормальное поведение молодого здорового мужика. Да ладно!

Женщин в жизни Адорина всегда имелось предостаточно. Они Илью любили: какие-то делали ставку на него, какие-то нет, были и одноразовые встречи, случались и длительные.

Всякие.

Впрочем, как в жизни каждого нормального мужчины.

Но Инга в силу своего эгоизма не понимала, да и не могла понять отношений, сложившихся у Ильи с Юлькой. И делить его не собиралась ни с кем, даже с маленькой девочкой.

А Юлке досталось первое, такое болезненное и несправедливое разочарование. Илье вытирал ей слезы, успокаивал и чувствовал ее боль, как свою, ему казалось, что он видит, как уходит от нее детство – разворачивается к ним, сидящим вдвоем под деревом, спиной и уходит.

Его маленький замечательный Рыжик, как же он ее обидел тогда, не поняв, не предугадав, как тяжело ей будет.

Идиот! А вроде умным считался, кандидат наук! Черт бы все побрал!

Если честно, то Илье еле сдерживал хохот, когда Юлька осуществляла свои каверзы. Надо признать, это было весьма изобретательно и смешно на самом деле.

Доставая колючки из волос Инги, специально сел сзади, чтобы та не видела, как он широко улыбается, стараясь не расхохотаться в голос. Илье понял, что задумала эта компашка, когда затащила девушку на глубину под иву, но почему-то не остановил ребят. А бог его знает почему!

Наверное, Илье самому хотелось сбить со своей дамочки спесь и излишнюю надменность, а особенно уверенность, что все, она его захомотала. А может, в силу некой мелкой подлянки в душе? В общем, не остановил, дав детям осуществить проказу, а мог бы остановить, чтобы не усиливать конфликт. И Вовка этот с великом, тоже было нехило задумано!

Да уж, Юлька великий организатор!

А апогей с тахтой!

Это ж сколько надо было пилить эти ножки?! И главное, рассчитать все правильно, вот что значит дочь ученого!

Ах, Юлька, Юлька!

Отправив возмущенную дамочку в Москву и поговорив с Юлькой, он потом целый день ходил сам не свой. Тихая, грустная боль Юлькиного прощания с бесшабашным детством, как заноза, ныла у него в сердце. Словно он терял что-то свое, бесконечно дорогое и ценное.

Поздно вечером, когда наказанная по всем правилам воспитательного процесса Юлька и оставшиеся на ночь гости уже спали, они втроем – Игорь, Марина и он – сидели на веранде, пили грузинское сухое вино и покатывались со смеху, вспоминая, что Рыжая натворила с Ингой.

– Больше я сдерживаться не мог и ржал, как больной, когда рухнула тахта, – сквозь смех говорил Илья.

– А колючки в волосах! – подхватила Марина. – Когда я увидела, то успела только извиниться и как рванула за угол, чтобы посмеяться от души! По-моему, Инга обиделась.

– Не бери в голову, – отмахнулся Илья.

– А вдруг ты на ней женишься, она же нам вовек не простит, – произнесла Марина.

– На ней я точно не женюсь! Да и рано мне еще!

– Не скажи, – возразил Игорь, – двадцать пять уж, пора бы!

Илья рассмеялся.

– Я бы подумал над этим, да пока не встретил такую, как твоя Марина!

Они давно уже обращались друг к другу на «ты». Супруги Расковы были старше Ильи лет на десять, и отношения с ними у него сразу сложились не просто дружеские, а близкие, как с родными людьми. Нет, естественно, когда он учился у Игоря Дмитриевича, то обращался к нему почтительно, с глубоким уважением, на «вы» и по имени-отчеству, как положено. Но, познакомившись ближе и подружившись, они как-то незаметно перешли на «ты», чему очень содействовала Марина с ее открытостью.

Илья допил коньяк, оставшийся в бокале, и покачал головой, улыбаясь.

– Молодец, Рыжик!

Конечно, молодец!

Все свои чувства и эмоции она выражала прямо, не пытаясь играть или изображать что-то. Юлька не умела быть расчетливой, хитрой и тем более фальшивой. Ее неистовая рыжая натура требовала только настоящего проявления чувств, без всякого подтекста.

Как же ему было хорошо, когда маленькая Юлька любила его детской, чистой, наивной любовью! Не то чтобы ему это льстило, нет, не совсем так: он принимал это девчоночье чувство как награду, как дополнительное подтверждение собственной удачливости, избранности, ну и, если честно, все-таки как одно из доказательств своей мужской самости и исключительности.

Молодой, глупый стрекозел!

Закрутилась, завертелась последующая действительность, происходящая в стране, разбивая вдребезги, в кровь всю его глупую самоуверенность и чувство защищенности, а вместе с ними и будущее, такое, казалось, блистательное, значимое, проторенное и понятное.

Как в песне Розенбаума: «Что же ты сделала с нами, Родина? Или не видишь? Да не слепая ты вроде бы! Родина, Родина, Родина...»

А что сделала?

Быстро и шумно сломала все до основания, как водится, и выбросила своих детей, как рыбу, на сушу хлюпать жабрами в слепой и глупой надежде на жизнь.

Он и хлюпал, и хрипел, став двух-, трехжильным! Сцепив зубы, сказал себе: я не уйду из науки и не уеду за границу искать сытой ученой жизни!

Сколько боли! Сколько сломанных хребтов, жизней прошло через его поколение! Сколько, казалось, сильных мужиков сдавалось, пропадало в этом перевороте жизни!

Илья имел собственное, образное определение перестройки и последовавшему за ней времени. Как ученый, он определял это так: напряжение в системе превысило критический уровень, и система рухнула – прорвало фоновые трубы, и на свет рвануло с огромной скоростью и давлением накопленное дерьмо, сметая на своем пути слабые объекты.

А то, что слабым объектами оказалось все население бывшего Союза, правильные и неправильные малые системы, рэволюционеры (именно так, через «э»), открывшие канализационные трубы, не удосужились заметить.

Да к черту эти рассуждения!

Если заново переживать то, что произошло, пропуская через сердце, – другим путем такая боль, к сожалению, не ходит, – оплакивать все глупости, сделанные в те годы правительством и народом в одной упряжке с ним, можно крышей поехать! Или взвыть от тоски по безвозвратно утраченному.

Он вкалывал, как раб, в те годы. Приняв решение, что не уйдет из науки и не бросит любимое дело, Илья вынужден был подрабатывать где только можно: грузчиком, сторожем, писать студентам курсовые и дипломы, делать «левые» программы, писать упакованным халявщикам научные статьи в журналы, ночами заниматься извозом на старенькой отцовской «копейке». Он брался за любой заработок, который подворачивался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.